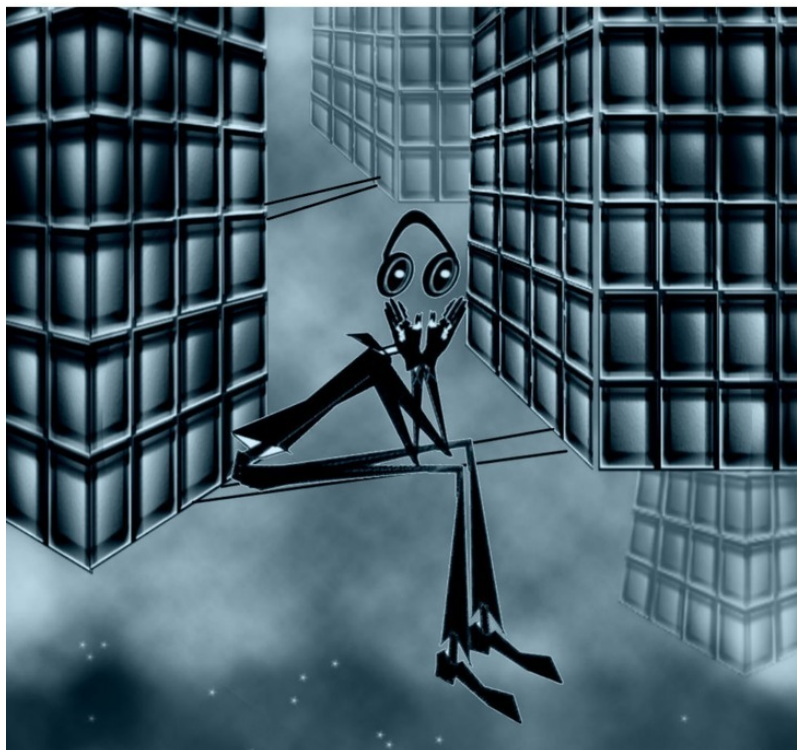

Мария Фомальгаут
Обратная сторона Мебиуса

Мария Фомальгаут

Обратная сторона Мебиуса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12191957

ISBN 9785447429041

Аннотация

– Скажите, какую форму имеет Земля? – Ой, ну... нет, не знаю. – Скажите, какой формы наша планета? – Ой... ну, это самое... вроде как плоская... – Скажите, какую форму имеет Земля? – Спортивную! – Скажите, какой формы наша планета? – А это что такое? – А вы знаете, что Земля имеет форму ленты Мебиуса?

Содержание

По ту сторону Мёбиуса	5
Ночью пришел снегопад	92
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Обратная сторона Мебиуса

Мария Фомальгаут

© Мария Фомальгаут, 2015

© Мария Фомальгаут, иллюстрации, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

По ту сторону Мёбиуса

Лист Мёбиуса (лента Мёбиуса, петля Мёбиуса) – топологический объект, простейшая неориентируемая поверхность с краем, односторонняя при вложении в обычное трёхмерное Евклидово пространство.

По материалам Википедии

Вчера в 17:30 по местному времени младший сын владельца Конфедерации Ван Клик Энтер покончил с собой, приняв смертельную дозу транквилизатора. По предварительным данным происшествие было именно самоубийством, а не несчастным случаем. Также есть сведения, что рядом с телом найдена предсмертная записка, ее содержание не разглашается...

ОСТАВИТЬ СВОЙ КОММЕНТАРИЙ

Вообще зажрались богатеи, квартирочку папочка купил, машиночку купил, учиться не хотят, работать не хотят, ах, скучно им, видите ли, на белом свете...

Ремня ему хорошего надо, да и все.

Самому тебе ремня надо...

А я его понимаю, бывает, родоки так достанут, точно хоть вешайся... учишь, учишь, на хрена это нужно...

Да этот-то и не учился. Вот, не учился, не работал, вот и траванулся от безысходности. А ты спрашиваешь, на хрена нужно. Вот и нужно, чтобы «золотые дозы» не кололи...

Счастья своего не понимают... махнулся бы с ним не глядя, он пусть в моей квартирушке живет по программе-минимум, а я в его доме поживу...

Да с дозой переборщил, и все. У меня племянник вот так тоже поцапался там с кем-то, таблеток наглотался, чтобы успокоиться, и все, и не проснулся.

Да нет, предсмертная записка, говорят, была.

Говорят, что кур доят.

Все там будем...

Это будет завтра.

Это будет завтра, думает Ван Клиф. Живо представляет себе, как запестрят заголовками газеты, как всполошится

отец, вот теперь-то он попляшет, всю полицию с ног на уши поставит, а-а-а, кто моего Клика прикончил, быть не может, чтобы он сам такое сделал, мальчик золотой был.

Вот так, думает Ван Клик. Чтобы стать золотым мальчиком, надо умереть. О мертвых или хорошо, или ничего. Лучше бы наоборот было, чтобы мертвых ругай, сколько хочешь, а о живых только хорошее, – сыночек, ты у меня самый лучший. И цветами мертвых забрасывают, и с помпой по городу возят, с музыкой. Нет, чтобы живого вот так провезти, салют, музыка, славься, славься, Ван Клик величайший, и все такое.

Как же...

Щ-щас...

Меня здесь никто не понимает...

Нет, не то.

Я – холостой патрон в обойме жизни...

Тоже не то...

Наш мир слишком груб и жесток для такой личности, как я...

Опять не так...

Ван Клик сидит на последнем этаже Бизнес-Сити. Отсюда, с высоты, город кажется маленьким и жалким. Его можно закрыть ладонью. И не видеть.

Ван Клик пишет на планшете последнее письмо. Подбирает слова, которых нет. Кажется, сколько раз подбирал слова, проигрывал фразы – и все, и на тебе, ни одной не осталось, все разлетелось, испуганные смертью.

А надо писать. Завтра будет во всех газетах, все прочитают, все ужаснутся, уж Ван Клик на них посмотрит...

Ах да, уже не посмотрит... ну да.

В голове туман. В голове у Ван Клика всегда туман, Ван Клик уже не помнит, чтобы было без тумана. До сих пор не выветрился пьяный угар «Тунайта», это ночной клуб на углу Пирамидальной и Реакторной, там...

Впрочем, неважно уже, что там. Ван Клик трясет головой, пытается вытрясти флюиды интернета, оттиски сайтов, фантомы чатов и сетей. И все равно остался дурман, дурман, от которого никуда не денешься. Перед сном «Успокой», чтобы не ворочаться в постели, после сна – «Бодрячком», чтобы не шататься, как пьяная муха, среди дня – «Позитив», чтобы снять действие и того, и другого.

Интересно, у других людей тоже в голове туман? По ним как-то не скажешь. Ходят, улыбаются, пьют «Позитив», вон, как девчонка в рекламе, ее обдает грязью черный лимузин, она глотает две таблетки «Позитива», снова светит солнши-

ко, из мерса вылезает крутой мачо, опускается перед ней на одно колено...

Ван Клик глотает еще две таблетки «Позитива». Просто так. Уже знает, что не подействует.

...покидаю этот мир, точно зная, что он никогда не станет лучше...

СОХРАНИТЬ

СООБЩЕНИЕ УСПЕШНО СОХРАНЕНО

Пожалуй, так сойдет. И картинка соответствующая, перепончатокрылый скелет на фоне полной луны.

Ван Клик смотрит вниз, на город. Отсюда город кажется маленьким, его можно закрыть ладонью.

Шприц подрагивает в руках. Пять миллилитров. Золотая доза «Успокоя». Доза, после которой не возвращаются. Почему так дрожит шприц, почему Ван Клик не может этого сделать... Вот ведь казалось бы, сколько раз себе что только не колол, дозы на грани смертельных, после которых ничего нет, даже снов, и тех не остается... Дозы, после которых просыпаешься, с во-о-оот такой головой, долго соображаешь, день это или ночь, и на какой ты планете.

А вот здесь ни в какую, шприц не слушается, не идет в вену, пляшет в руке.

Появляются первые комменты к записи.

А ты о родных подумал...

А они обо мне хоть раз подумали...

Ну тебя, захлебнешься в собственной блевотине, и все, как актриса эта, как ее там...

Ты хоть подумал, что там, дальше, уже ничего не будет, ни-че-го...

Можно подумать, здесь есть хоть что-нибудь... кроме как ничего...

Ван Клик с силой разбивает планшетник о стену. Спыхватывается, делает три шага к Пирамиде в углу коридора, заказывает новый планшетник. Ждет. Ну давай же, пошевеливайся, железяка чертова...

Пляшет в руках неподатливый шприц, не слушается, ну давай же, давай... Отец рядом, за дверью, в кабинете, считает прибыли и убыли, он и не знает, что его сын...

Резкий хлопок за стеной.

Еще.

Еще.

Хлопок, похожий на выстрел, вот так же стреляют в каких-нибудь боевиках, которые Ван Клик смотрит без перерыва, когда нужно убить время. А время нужно убить всегда.

Ван Клик вздрагивает.

Шприц беззвучно падает на линолеум. Ванн Клик прислушивается, идет в конец коридора, распахивает неприметную дверь.

Что-то происходит – настолько немыслимое, что Ванн Клик думает – глюк. Вроде бы с «Позитива» никогда глюков не было, а тут на тебе. Жмет на левое веко. Глюк не исчезает, глюк все так же сидит в кресле, это отец Ванн Клика, бледный, как поганка, сидит, как-то неестественно развалясь в кресле, вздрагивает всем телом в так выстрелам...

...выстрелам.

Потому что напротив отца стоит человек в странной одежде, будто вышедший из какой-то компьютерной игрушки. Целится, пускает пулю за пулей, четыре, пять, шесть, всю обойму.

Ванн Клик жмет и жмет на правое веко. На левое. На правое. Глюк не исчезает, глюк как будто смеется над Ванн Кликом. Отец сползает на пол. Мягко, как тряпичная кукла. Хочет что-то сказать Ванн Клику, вместо слов изо рта вырываются кровавые хлопья, совсем как в кино.

Человек в странной одежде оборачивается. Смотрит на Ванн Клика. Ванн Клик только сейчас начинает понимать, что случилось. Тут должно быть страшно, только не получается страшно, действует-таки «Позитив» проклятый, действует...

А что, пишут в Сети, есть такой способ расстаться с этим грешным миром: побегите навстречу полицейскому, или

охраннику, или террористу, дальше он все сам за вас сделает, вы и спасибо сказать не успеете. Только почему-то не бегится ему навстречу. И самому смешно, только что все бы отдал, чтобы уснуть и не проснуться больше, а теперь только одна мысль, только бы он меня не убил, только бы не...

Человек делает шаг. Еще. Еще. Навстречу Ван Клику. Ван Клики ищет за спиной дверь, вот черт, была же, была, куда она делась...

Человек проходит мимо Ван Клика, Ван Клики чувствует его дыхание, значит, все-таки не глюк, не глюк, такой не глюк, что дальше некуда. Проходит мимо и... исчезает.

Глюк.

Ван Клики смотрит на пиджак отца, расцвеченный красными кляксами.

Не глюк.

Ван Клики смотрит на пустоту, в которую ушел незванный гость.

Глюк.

Ван Клики смотрит на отца, хватает широкую руку, ищет пульс, которого нет.

Не глюк.

В голове у Ван Клика что-то замыкает. Сильно. Мерзко. Так бывает, когда пересидишь в Сети, переиграешь в Конфедерацию. Или так бывает, когда выходишь из клуба, и еще не настолько пьян, чтобы свалиться на заднее сиденье машины и выключиться. И нужно что-то делать, куда-то идти,

и не знаешь, что и куда...

Ван Клик нашаривает в кармане «Успокой», отмеряет в шприц, не глядя, впрыскивает в вену...

Действуй, с-сука, ну давай, действуй...

Комната плывет перед глазами, падает на потолок.

– ...очнулся?

– Навроде того...

Кто-то хлопает Ван Клика по щекам. Маленькая оказалась доза, даже не забылся толком, так, чуть-чуть погрузился в самого себя.

Кто-то стоит над ним, кто-то из отцовских замов, Ван Клик не знает, кто, все они как на одно лицо. Еще кто-то наклоняется над ним, Ван Клик не сразу узнает брата.

– Все в порядке, господин Пресс, – говорит зам, – очнулся.

– Тем хуже для него, – Пресс Эни Кей наклоняется, брезгливо встряхивает Ван Клика за воротник, – тебе чем отец-то мешал, а?

– Господин Пресс, вы все еще не можете оправиться от шока...

– Ну, знаете... Когда управляешь доброй половиной Конфедерации, у тебя нет времени на шок. Шок для людей моего круга – непозволительная роскошь.

– Вы подозреваете кого-то?

– Кого тут подозревать, когда это дело рук моего братца.

– Ван Клик Энтера?

– Другого брата, насколько я знаю, у меня нет.

– Но почему вы так уверены?

– Какие могут быть сомнения. Вечером захожу к отцу, он лежит мертвый, а рядом мой братец... под кайфом.

– Он признал свою вину?

– Какое там, до сих пор не может отойти от передозы. Все бормочет по какого-то человека в странных одеждах, который растаял в воздухе.

– Где он сейчас?

– Оставили под домашним арестом. До поры до времени...

– Неслыханно. Убить родного отца...

– Ну, Ван Клика тоже можно понять. Лузер, каких мало. Три раза в универ поступал, три раза вылетал. Про работу уже и не заикались... Отец ему квартиру купил, так он последнее время вообще оттуда не выходил. Сидит мордой в комп, и все.

– Как это сейчас называется... хикки?

– Хиккикомори. Вот до чего довела зависть... но все равно, никакого оправдания быть не может.

– Как я понимаю, вы теперь единственный владелец Конфедерации?

– Правильно понимаете. Я знал, что когда-нибудь эта ответственность за судьбы миллионов людей ляжет на меня... но не думал, что это случится так скоро...

Пресс Эни Кей вынимает из кармана две таблетки «Позитива». Глокает, расплывается в улыбке.

Клик пытается понять, день сейчас или ночь. Это не так сложно. Если светло, значит, ночь. Если темно, значит, день. То есть, наоборот. То есть...

Ну да.

Клик открывает глаза. Свет в комнате какой-то приглушенный, так бывает утром или вечером. Теперь надо определить, утро сейчас или вечер. Это сложнее. Ван Клик нашаривает телефон, смотрит на часы. Тут же забывает, что он там посмотрел. Смотрит снова. Забывает. Смотрит...

Собирает мысли, рассыпанные по подушке. Предсмертная записка. Отец. Человек в странной одежде. Растворился в воздухе. Глюк. Не глюк. Все-таки глюк, не глюки не растворяются в воздухе. Но кто-то убил отца. Кто-то. Пресс говорит, что это Ван Клик. Ван Клик уже сам готов поверить, что это он убил... но... нет, нет и нет.

И вот ведь странно, почему теперь не хочется умирать, именно теперь, когда окончательно убедился, как несправедлив этот мир. И почему голова работает так ясно, ясно как никогда, будто и не принимал ничего, и не забывался сном...

Ван Клик толкает дверь квартиры. Странно, что она поддается. Странно, что выпускает. Странно, что за ним не следят. Даже обидно как-то, что не следят, ни во что не ставят...

Ван Клик выходит в коридор, спускается на первый этаж.

Ничего не происходит. Ван Клик выбирается к подземным гаражам, сам не знает, зачем. Машину у него все равно отобрали, а без машины, сам по себе, на улицу Ван Клик не выйдет. Без машины Ван Клик чувствует себя раздетым, даже не раздетым, а как будто не Ван Клик идет, а только половина Ван Клика.

Клик подходит к пирамиде, заказывает латте эспresso. Латте эспresso появляется неожиданно быстро, Ван Клик даже не успел психануть, дать пирамиде пинка, давай, давай, пошевеливайся... Вот, блин, а обычно минут на пять зависает...

Ванн Клик ищет выход накопившейся злобе, заказывает у пирамиды сэндвич. Сэндвич появляется тоже неожиданно быстро, как будто издевается над Ван Кликом. Ван клик заказывает дубленку. Дубленка падает из раскрывшейся пирамиды в тот же час. Как в каком-нибудь шоу Жадность – не порок, когда в кратчайшие сроки нужно нагадывать пирамиде как можно больше желаний, кто окажется богаче, тот и победил. Ван Клик два раза побеждал, хотя никакой радости от этого не испытывал...

Ван Клик смотрит на вереницу машин, сбились, как галки на проводах, одни появляются, другие уезжают, туда, в шум улицы. Подкатывают матерые мерины, массивные джипы, крохотные, как игрушечные, матизы...

Ван Клик смотрит...

Думает...

Еще никогда голова не работала так ясно. Глядишь, если бы почаще к смерти приговаривали, так бы и дурман прошел.

Ван Клик снова идет к пирамиде.

Заказывает машину.

ВЫБЕРИТЕ ТИП АВТОМОБИЛЯ

Вот, блин...

ЛЕГКОВОЙ

ХЭТЧБЕК

ДА НЕТ

НЕТ

МАРКА

НИССАН... МЕРСЕДЕС... ШКОДА... ФОРД... ТОЙОТА...

ТОЙОТА

ВЫБЕРИТЕ ЦВЕТ

Ван Клик терпеливо перебирает цвета и оттенки. Нет, что-то переборщил, выискал какой-то немислимый оттенок красного... В сердцах жмет на черный классический, пропади оно все...

ЦВЕТ СИДЕНИЙ

Бли-и-ин...

БЕЖЕВЫЙ

У ВАС ОТЛИЧНЫЙ ВКУС

Ван Клик сжимает зубы.

ВАШ ЗАПРОС ОБРАБАТЫВАЕТСЯ, ПОДОЖДИТЕ.

Ван Клик ждет. Аг-га, вот мы и зависли на час, на два...

ПРИНОСИМ СВОИ ИЗВИНЕНИЯ, В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ КЛАССИЧЕСКОГО ЧЕРНОГО В НАЛИЧИИ НЕТ.

Ван Клик что есть силы пинает пирамиду. Опять все по новой начинать...

ВЫБЕРИТЕ ТИП АВТОМОБИЛЯ...

Секунды растягиваются на несколько вечностей подряд. Ван Клик даже не верит себе, когда из пирамиды выкатывается что-то несуразное. Так и кажется, что на эту машину будут тарашиться все. Все, кому не лень. Так и кажется, что таких машин не бывает...

СПАСИБО, ЧТО ВОСПОЛЬЗОВАЛИСЬ УСЛУГАМИ НАШЕГО СЕРВЕРА...

Всегда пожалуйста, думает Ван Клик. Садится за руль, припоминает, что принимал до того, как, а то было уже, выпил «Успокой», сел за руль, и...

Ладно, не о том речь...

Мелькает город. Огромный. Бесконечный. На всю планету. Город, заблудившийся сам в себе. Город, будто ищущий выход сам из себя. Город цветных огней и сверкающих витрин. Город, в котором живут люди, месяцами не выходящие из дома. Потому что они тоже заблудились сами в себе. Потому что в их маленьком мирке нет никого кроме них самих. Город, где не выпутаться из сетей. Город, где люди распахивают окна последних этажей и отправляются в последний полет.

Ван Клик вырубивает на улицу там, где вырубивать нельзя, полицейский машет палочкой. Ван Клик протягивает руку туда, где должны быть права, прав нет, откуда они возьмутся, права отобрали, все отобрали...

Ван Клик жмет на газ.

Интересно, почему так говорят – жмет на газ, когда переключаешь скорости. Где там газ... Ван Клик не знает. Ван Клик первый раз задумывается, что он ничего не знает.

Ч-ч-ерт, полиции сегодня как грязи... Как сговорились... а может, и правда сговорились, им же тоже скучно вот так стоять, а давайте-ка, парни, Ван Клика пустим, пусть бежит, а мы его поймаем...

Город петляет, путается сам в себе, улицы заплетаются мертвым узлом, душат друг друга. Почему так мерзко дрожат руки, почему, почему... по кочану. Сам виноват, надо было принять что-нибудь, тот же Позитив, а то додумался Ван Клик, «Успокоя» напился и сел за руль... Противопоказано за рулем...

– Номер экс-пи-триста-сорок-семь, немедленно прижмитесь к обочине. Повторяю...

Черта с два.

Ван Клик жмет на газ, откуда это выражение пошло, жать на газ... надо посмотреть в Сети, только некогда здесь ничего смотреть ни в какой Сети.

Машина останавливается...

Показалось.

Нет, ничего не показалось и не померещилось, машина останавливается – медленно, неумолимо. Ван Клик смотрит на стрелку топливного бака, бак заряжен по полной, что ему еще нужно...

– ...немедленно прижмитесь к обочине...

Ах да, это они. Там, сзади. Они что-то делают с машиной, они много что могут сделать с машиной. Они. Там. Сзади. Люди в погонах. И главное, как нужны они, так нет их, когда в отца стреляли, хоть бы кто рядом был. А тут на тебе, поналетели... как мухи... на мед.

Ван Клик выходит из машины. Бежит. Последний раз Ван Клик бегал... никогда Ван Клик не бегал, ни последний раз, ни не последний. Люди сзади кричат что-то, немедленно остановитесь, и все такое. Как же, ждите, остановится Ван Клик. Остановится, когда подстрелят его, как зайца. Интересно, почему так говорят – как зайца, это что такое, заяц... Это мишень, наверное, какая-нибудь...

Глюки.

Снова подступают глюки. Ван Клик снова видит глубокий провал в пустоте, темную воронку, которая как будто засасывает воздух. Некогда жать на левое веко. И на правое веко тоже некогда жать. Ван Клик лихорадочно обдумывает, с какой стороны обогнуть воронку, и даст ли она вообще себя обогнуть...

Да и вообще, что это он... как будто на самом деле там воронка. Глюк он и есть глюк, мало ли что померещится, иди

вперед, и не бойся. Нет же, как в каком-нибудь «Тунайте» чего-нибудь напьешься, потом идешь по улице, и привидится тебе, сидит на тротуаре какая-нибудь мохнатая нечисть о двух головах, так за километр ее обойдешь, еще руки на груди сложишь, чтобы она не тяпнула...

А это что за черт...

Полицейские остановились.

Все. Разом. Будто они тоже видят воронку. Кто-то манит Ван Клика, иди, иди назад...

Черта с два.

– Вернитесь немедленно. Ничего вам не будет, вернитесь немедленно...

Так я вам и поверил.

Ван Клик идет к воронке. Долговязый страж порядка пугливо крестится. Что-то они знают про воронку. Что-то, чего простым смертным знать не положено.

– Тебе чего... жить надоело?

Ванн Клик берет правее, правее, воронка не дает взять правее, хватает, засасывает, Ван Клик еще пытается ухватиться за что-то, во-он за ту ограду, как она далеко, ну подойди ближе, я знаю, что ограды не ходят, ну давай же, цып-цып-цып, ох, черт...

Ван Клик проваливается в ничто.

– К вам... посетитель.

Пресс Эни Кей кивает. Он знает этого посетителя. Очень

хорошо знает.

– Пусть войдет.

Посетитель заходит. Минуту мнется в дверях, осторожно протягивает руку. Пресс пожимает руку жестом командира, чуть-чуть припускает руку вошедшего, как указано в учебниках, чтобы показать, кто тут хозяин.

А хозяин тут Пресс Эни Кей и никто больше.

– Вызывали? – спрашивает гость. Человек, который кажется квадратным, квадратный пиджак, квадратный подбородок, квадратный лоб.

– Вызывал. Гонорарчик вам хотел отдать...

– За... за что?

– А то сами не знаете, за что... за работу вашу. Чисто сработано, как там говорят, комар мухи не подточит...

Пресс смеется. Гостю не до смеха.

– Но... я еще ничего не сделал, я же только сегодня соби-
рался...

– Как только сегодня, папашу моего вчера застрелили, все при всем.

– Кто застрелил? – спрашивает киллер, давится собственным голосом.

– Уж не знаю, кто застрелил, кого вы там послали, а сработано чисто.

Квадратный человек мнется. Проще всего сказать спасибо и уйти. Мало ли, что там случилось, меньше знаешь – крепче спишь.

Но...

Но...

– А...

– ...труп теперь на мелкого моего повесили, тоже хорошо...

– Сына?

– Тю, сына, брата моего... А что, тюфяк тюфяком, что из него выйдет-то вообще... Это папаша вечно вокруг него крылышками хлопал, ах, бедный мальчик, ах, такой ранимый, ах, в поиске себя... Бабла ему отвалил не меряно... тут пашешь как проклятый, и... ты чего?

– Я его не убивал.

– А?

– Не убивал я его. Не знаю я, кто это сделал.

Пресс бледнеет. Тут, главное, не потерять лицо. Это во всех учебниках написано, главное, не потерять лицо, что бы ни случилось. Пресс Эни Кей бормочет какие-то протокольные любезности, ну, вы, не вы, все равно дело сделано, гонорарчик вам полагается... Снова жмет руку (жестом Начальника!), выпроваживает гостя за дверь...

В изнеможении опускается в кресло.

Ван Клик падает в снег.

Ван Клик не знает, что такое снег. То есть, где-то что-то видел, в каких-то играх, стойте, дайте вспомнить, как она называлась... Звезда Севера, что ли... а нет, Хрустальная Звезд-

да. Или нет. Или все неважно. Вот там был снег. Белый, искристый, красивый. Вот как здесь. Только Ван Клик не думал, что снег обжигает. Вроде бы не горячий, а обжигает, когда к нему прикасаешься. Больно.

Ванн Клик поднимается со снега, оглядывает ночь.

Что такое ночь, Ван Клик тоже не знает. То есть, конечно, были какие-то ночи, летние, коротюсенькие, как раз чтобы нацеловаться с кем-нибудь в кустах, нагуляться по темным улицам, накричаться вдоволь. И сразу, часика через три, рассвет. Вот такие Ван Клик видел ночи. А тут небо черное-черное, исколотое звездами, и так и кажется, что тянется эта ночь долго-долго-долго, и будет тянуться еще столько-столько-столько-долго-долго-долго...

Ван Клик смотрит на снежные холмы, на черные стены на горизонте, на далекие огни. Такого города Ван Клик тоже не видел, чтобы только снежные холмы и чуть-чуть домов.

Какая-то игра. Очень натуральная. Очень реалистичная. Такая, что даже ветер дует по-настоящему. И снег обжигает по-настоящему. И...

Ван Клик начинает подмерзать, ищет, где здесь красный крестик в углу экрана. Крестика нет. Ван Клик перебирает свои смартфоны-айфоны-айпады, пытается отключить, не может. Ван Клик в отчаянии набирает номер провайдера...

ПОИСК СЕТИ...

ПОЖАЛУЙСТА, ПОДОЖДИТЕ...

СЕТЬ НЕДОСТУПНА.

Это что-то новенькое...

Пресс Эни Кей водит палочкой по экрану.

ЛАЙК СМАЙЛ Секретарь отца с 2312 по 2319 гг. включительно. Человек решительный, видно, что тяготился своей должностью, слишком низкой по его мнению. С отцом был в дружеских отношениях (по крайней мере. Делал вид...)

ЭЛЬФ НАЙТ. В прошлом – владелец доброй половины Конфедерации, один из основных конкурентов отца. В 2316 г подписал договор о передаче отцу контрольного пакета акций Конфедерации за смехотворную сумму. То есть, признал свое банкротство и поражение. Имеет все основания расправиться с отцом...

Пресс выискивает в телефоне номер. Набирает. Ждет.

– Шеф?

– Он самый. Человечка одного уточнить надо...

– Это мы мигом.

– Эльф Найта знаешь?

– Как не знать... он мне сегодня вас заказал.

– Охренеть не встать. Сколько заплатил?

– Триста.

– Я тебе пятьсот плачу, его заказываю. Ты мне там смотри,

переметнуться не вздумай...

– Не вздумаю. Не такие мы...

– Да я знаю, что вы не такие, это я так...

– Где здесь город, не подскажете? – спрашивает Ван Клики.

– Чего-о?

Чумазый детина оторопело смотрит на Ван Клики.

– Где здесь город... не скажете?

– Какой еще на хрен город?

Ван Клики и сам не знает, какой город. Город он и есть город. Как будто есть в мире что-то кроме города. Детина бормочет, не знаю, уходит в глубину странного дома.

Дом странный. Таких домов Ван Клики тоже никогда не видел. Дом без квартир, дом из одной огромной комнаты, уставленный игровыми автоматами. Такие автоматы Ван Клики тоже раньше не видел. Без экранов. Со множеством ручек. Вон человек стоит, играет на одном из автоматов, крутит большое колесо, подносит к нему железку, из железки летят красивые искры.

Ван Клики смотрит на искры, на звезды, летящие россыпью...

– Чего вылупился, без глаз хочешь остаться?

Ван Клики уходит. Ишь, какой, искры ему жалко. Хотя все правильно, он у автомата стоит, он за игру заплатил, не Ван Клики. Ему и играть в Искры.

Ван Клики смотрит на человека. На темную маску на лице

человека. Он как будто сам не хочет смотреть на искры. Что за искры такие, на которые смотреть нельзя, зачем они нужны вообще тогда...

Странный дом. Впрочем, какая разница, мало ли какие дома бывают. Главное, что в доме тепло. Ван Клик раньше толком и не знал, что такое тепло. А теперь знает. Тепло – это когда не холодно.

И еще что-то не нравится Ван Клику, еще что-то настораживает Ван Клика в облике человека перед автоматом. Ах да. Ну да.

Холодеет спина.

Никакой ошибки быть не может.

Стоит человек, пускает искры. Человек в таких же одеждах, в каких был тот, этот... Который стрелял в отца.

ДЖАБРИЭЛЛА РОДОДЕНДРОН Третья жена отца с 2315 по настоящее время. По брачному контракту в случае развода получает больше половины имущества. По тому же брачному контракту в случае смерти отца получает хрен да маленько. Нет никаких причин убивать отца.

Пресс Эни Кей думает. Палочка скользит по экрану планшетника.

ВАН КЛИК ЭНТЕР Младший сын отца, сын от второго брака. Хикки, лузер, неприспособленный к жизни...

Пресс хочет добавить еще парочку нелестных выражений, не добавляет.

Не мог убить отца, потому что...

Потому что...

Ну, просто потому, что не мог. Такие не убивают. Таких куры заплюют. Интересно, что такое куры. Ладно, неважно. Такие только за компом храбрятся, когда расстреливают какого-нибудь гоблина.

И все-таки...

И все-таки...

Рука снова тянется к телефону.

– Охрана слушает.

– Вот что... этого мне сюда приведите, братца моего, поговорить надо.

– А братец ваш...

– Чего?

– М-м-м-м...

– Чего такое случилось? Ручки на себя наложил?

– Да нет... сбежал он...

Пол качается под ногами. Пресс глотает таблетку Успокоя. Две таблетки Позитива. Вымученно улыбается.

Ван Клик смотрит, как люди в странных одеждах вере-

ницей подходят к пирамиде. Знакомая картина, в городе на больших площадях везде очереди, толпятся возле пирамид, тому кофе надо, этому пиццу, вон та дама колье себе выбирает, вон человек машину себе купить решил, ну-у, это надолго, за ним очередь не занимают, а вон уже кричит кто-то – свободная пирамида! Свободная пирамида!

И все туда. И пирамида становится несвободной.

Вот здесь тоже люди вереницей идут к пирамиде. Люди в странных одеждах, в оранжевых жилетах. Только Ван Клик первый раз видел, чтобы люди несли что-то к пирамиде. Полные ящики. Одежда, сорочки мужские, блузки женские, платья коктейльные, джинсы повседневные... Несут кофе молотый, шоколад молочный, шоколад с изюмом, шоколад с орехами, шоколад с клубничной начинкой, шоколад с мятным вкусом. Несут упакованные планшетники, плееры, ридеры, андроиды, хреноиды. Несут велосипеды, скутеры, ролики, мопеды, несут...

Много что несут.

Всего не перечислишь.

Подносят к пирамиде. Пирамида вспыхивает голубоватым мерцанием, значит, раскрылась. И кладут, кладут в пирамиду шоколад молочный и кофе молотый, сорочки мужские и джинсы повседневные. Кланяются. Уходят от пирамиды.

Вон кого-то поймали в очереди, кого-то стегают хлыстом. За дело стегают, урвал из коробки шоколадный батончик.

Невелика потеря, а все равно надо нахлопать, чтоб неповадно было, а то кто-нибудь вот так скутер умыкнет или роллсройс...

Ван Клик смотрит. Не верит своим глазам. Все это похоже на глюк, но какой-то жуткий, бредовый, который как будто издевается над рассудком.

Так было. В минуты бессонницы, когда еще не действует Успокой, когда уже лег, но еще не заснул, когда нет под рукой айпада-айфона-смартфона-телефона, и нечего делать, остается только думать.

Лежишь и думаешь, откуда берется все, что берется.

Все в один голос скажут – из пирамиды.

А откуда в пирамиде все берется?

Все в один голос скажут – не бери в голову.

И будут правы.

А Ван Клик берет в голову. И вот когда не спится, представляет себе, как где-нибудь по ту сторону пирамиды (как это, по ту сторону?) целый мир, где лежат вещи, вещи, вещи. Ну, например, под землей. Ничего, что там под землей метро, все равно... где-нибудь под землей. И когда маленький был, когда мама выдавала из пирамиды россыпь жвачек, и просил еще, еще, и мама говорила – нельзя, мечтал, вот, пробраться бы по ту сторону пирамиды, зарыться бы в эти жвачки по самое не хочу...

Или представлял себе бесконечный конвейер, ползущий из ниоткуда в пирамиду, и на конвейере – вещи, вещи, ве-

щи, игрушки, трансформеры, скутеры, танчики, дракончики, шоколадные батончики, бери, не хочу.

Потом вырос, стало как-то не до фантазий. Пытался придумать какие-нибудь объяснения, какие-нибудь квантовые трансформации или... или Ван Клик не знает, что.

Но в самых бредовых фантазиях Ван Клик не мог представить такую картину. Люди, люди и люди идут к пирамиде, складывают в пирамиду вещи.

Какая-то насмешка над здравым смыслом.

Издевательство какое-то. Это все равно как если бы в сильный дождь поднялся выше облаков и увидел, – сидит на тучках человек с леечкой, и город поливает, и получается дождь.

Чтобы разогнать глюки, Клик глотает таблетку «Бодрячом». И таблетку «Позитива». С ужасом шарит в капсулах. Последняя. И та и другая. Последние.

– Господин директор, у нас проблемы...

Пресс насмешливо смотрит на секретаршу:

– А у нас?

Секретарша глупо хихикает. Хочется выставить за дверь всех этих барышень, которые остались от отца, которые глупо хихикают, которые...

Ладно, не о том речь.

– И что же?

– Температура в городе падает.

– Сам вижу... Пирамиды в норме?

– В норме.

– Во, блин... Ну что же, добавить надо тепла... пока не замерзли все к ядерной фене...

– Разрешите добавить?

– Разрешаю.

Пресс подмахивает приказ. Кусает губы. Что за черт, третий раз за месяц температура падает, а пирамиды вроде бы в норме... три раза уже максимум поднимали, температура все равно падает. И задержки все больше, закажешь в пирамиде кофе, пока этого кофе дождешься, уже пить расхочется...

В странном доме переполох. Это Ван Клиг сразу видит – переполох. Да еще какой. Все бегают, орут, кричат, давай-давай, быстрее-быстрее, запускают конвейеры, запускают игровые автоматы, искры летят, пыль летит, все летит. Ругают кого-то на чем свет стоит.

– Он, блин, видите ли, падла такая, тойоту себе черную хочет, а мы, видите ли, в три смены пахать должны...

– Да пошел он...

– Да что пошел, счас попробуй, не сделай....

– Па-а-а-рнии-ии, давай живее-е-е-ей! Шевели-и-и-сь!

– Са-а-а-м шевели-и-и-сь!

– Леха, черная краска где?

– Где, где, (непонятное слово)! Извели всю на хрен! Как

помешались на этих машинах черных, мать их!

– Дава-а-ай, смешивай на хрен все краски, черный делай!

– Какое смешивай, ты чего, читать не умеешь? Классический черный этому удоду нужен, и никакой другой! Ни хрена ты краски до классического не смешаешь, грязь какая-то получится!

– Так чего делать?

– Снимать штаны и бегать! Читать роман Чернышевского «Что делать», блин! Ну что делать, пишите ответ, нет классического... о-ох, сейчас нам всем бошки поотрывают...

Ван Клик смотрит. Искры летят. Пыль летит. Все летит.

– Чего, отказался он от машины?

– Не-е, теперь синюю просит, уродище...

– Ну, синяя-то у нас есть... О-ох, млять, какой цвет-то выбрал, издевается, что ли, самый сложный...

– Давай-давай, пока не испепелили нас всех тут...

Искры летят. Пыль летит. Люди летят. Все летит.

– Готово, мужики!

– Давай в пирамиду, живо-о-о!

– Тьфу, успели...

– Охренеть, не встать... задолбали пирамиды эти...

– Чш, слышат еще...

– Ты у пирамиды давно уши видел?

Пресс Эни Кей входит в дом, в изнеможении падает в кресло. Добрался-таки до дома... Довольны ли вы своим

жилем? – да мне бы вообще сегодня до него добраться. Анекдот с во-о-от такой длинной бородой.

Отец вот так же приходил. В одиннадцать, в двенадцать, в час ночи. Когда маленький Пресс уже спал. Иногда не спал, боролся со сном, караулили отца, бежал навстречу, протягивал какие-нибудь картинки, которые рисовал папе, папе, это вот дом наш, это папа, это мама... Отец кивал, хорошо, хорошо, молодец, тут же хватался за телефон, да, слушаю, какие еще перебои с поставками, вы там охренели или как?

Пресс старается унять головную боль. Приговаривает, как мантру: Я смогу. Я сумею. У меня все получится.

Все-таки всю жизнь знал, что будет властелином мира, всю жизнь готовил себя к тому, чтобы управлять земным шаром. А кто сказал, что быть первым человеком на планете – это легко?

Глокает «Позитив». Вроде бы уже время «Успокоя» пришло, ну да ладно, можно еще часок посидеть на Позитиве. Пресс включает Новости, перебирает анонсы, крупное ДТП в районе Бизнес-Сити, пожар на юге Манчестера, свадьба Твигги Твит и Твиттера Твист...

Черт...

Сегодня в 18:30 по местному времени у себя дома застрелен крупнейший магнат прошлого Эльф Найт. Ведется следствие, по предварительным данным...

А потом у Ван Клика остановилось сердце.

То есть, сердце у Ван Клика давненько пошаливало. Бывает, проснется среди ночи от резкого толчка в груди, и что-то давит, и так становится не по себе. Ван Клик примет таблетку-другую «Успокоя», ляжет спать.

А вот тут сердце остановилось. Совсем.

Не было никаких приступов, никаких болей в груди, никаких сигналов, когда еще можно что-то сделать, кого-то вызвать на помощь. Сердце просто остановилось. И все.

Ван Клик вытащил сердце из груди. Посмотрел. Впрочем, мог и не вытаскивать, и не смотреть, все равно Ван Клик в этих микросхемах и датчиках ничего не понимает. Сердце у Ван Клика электронное, и странно, что покупал вроде бы недавно, а нате вам, отказало.

Как чуют, сволочи, где брак сделать. Почки искусственные поставил – ничего, работают. Легкие прокуренные заменил – все в порядке. Глаза... желудок... а сердце какое не поставишь, через месяц остановится.

Хорошо у Ван Клика второе сердце есть. Запасное. Плохонькое, ну да ничего, на час, на другой хватит. А вот что будет через этот час, через другой...

Ван Клик идет к дальней пирамиде там, на заснеженном горизонте. Люди от пирамиды разошлись, рассосались, расползлись по каким-то своим норам. Это хорошо, что очереди нет. Если нажать на кнопку пирамиды, пирамида даст все – новое сердце, горячий ужин, курточку потеплее, а то в этой уже зуб на зуб не попадает. Только надо добраться до этой

пирамиды, потихонечку, чтобы не разрядить раньше времени запасное сердце.

А там надо думать, как выбираться отсюда. В город. Знать бы еще, в какой стороне этот город. Сам виноват, географию учить надо было, да кто ее когда учил, эту географию, кому она нужна. Хотя нет, география тут не при чем, на глобусе русским по белому нарисовано, что нет в мире ничего кроме города, от северного полюса до южного, от Аляски до Мадагаскара, от Огненной Земли до Гренландии – один бесконечный город.

И ни про какие снега, ледники, вечные ночи и вечные холода никто никогда не говорил.

– К вам посетитель.

Пресс Эни Кей кивает. Он знает этого посетителя. Хорошо знает.

– Пусть войдет.

Посетитель заходит, чуть замирает на пороге. Пресс пожимает ему руку жестом начальника.

– Ну что... гонорарчик можете получить...

– За Найта? – спрашивает квадратный человек.

– За него. Молодчина. Только грязновато работаете, ну что такое, застрелен у себя дома. Тут ежу понятно, дело нечисто. Нет, чтобы помягче, уснул и не проснулся, сердечный приступ, все такое, любим, помним, скорбим...

– Но...

– Ну, это я так. Вам, конечно, виднее, я-то не спец...

– Но... господин директор...

– Я за него.

– Я... – квадратный человек бледнеет, – никого... не...

убивал...

Не теряем лицо. Делаем хорошую мину при плохой игре. Улыбаемся и машем. Пресс пожимает руку жестом начальника, выпроваживает гостя за дверь. Глокает две таблетки Позитива, думает, добавляет еще одну.

Нужно что-то делать. Пресс не знает, что. Когда раньше не знал, что делать, звонил отцу. Это было раньше. Сейчас отцу не позвонишь, на тот свет роуминг до сих пор не доходит.

Пресс перебирает номера, случайно натывается на номер мачехи. Джабриэлла Рододендрон, Пресс про себя звал ее Джабой, и в телефоне записана как Джаба, хорошо, не видит никто. Пресс попробовал вспомнить, когда последний раз говорил с мачехой. Никогда. Звонить не хотелось, но черт побери, надо было что-то делать...

Длинные гудки...

– Алло.

– А... День добрый, Джабриэлле я могу услышать?

– А... убили ее.

– К-как убили?

– С-сегодня... застрелили... в спальне... – девушка, должно быть, служанка, всхлипывает, ей бы сейчас Успокой

вперемешку с позитивом, тройную дозу... и Пресс Эни Кею тоже.

Трубка выпрыгивает из рук...

Ван Клик уже не пытается отладить сердце, все равно не умеет. Сколько ни говорили что-то там, в школе, это должен знать каждый, все такое, Ван Клик только отмахивался, зачем я это буду знать, как будто врачей нет...

Ван Клик оглядывается, зовет на помощь, голос тонет в метели.

Глюк...

Нет, не глюк. Вот она. Пирамида. Там, на горизонте, стоит, полуприсяпанная снегом. Но вроде бы мигает, вроде бы работает. Только бы не получилось так, что идет Ван Клик к пирамиде и натывается на табличку: НА РЕМОНТЕ

Ван Клик идет к пирамиде. Не идет – ковыляет. Не ковыляет – ползет. Через метель. Через снег. Через ночь. Через смерть. Просит кого-то, сам не знает, кого, чтобы пирамида была не на ремонте. Как будто кто-то его услышит. Как будто...

Холодно. Теперь зима не только снаружи Ван Клика, но и внутри. Пирамида не хочет приближаться, она как будто убегает от Ван Клика, играет с ним. Тпру, стоять, падла...

Сердце подпрыгивает, как будто из последних сил.

Ван Клик протягивает к пирамиде дрожащую руку, где у нее кнопка, где, где, где, мне бы сердце новое, и...

Что-то происходит, что-то притягивает Ван Клика к пирамиде, сильнее, сильнее, что-то высасывает из Ван Клика энергию, тепло, саму жизнь. Клик еще пытается позвать на помощь, голос тонет в метели....

КАТЕГОРИЧЕСКИ ЗАПРЕЩАЕТСЯ!

– Подходить к пирамиде ближе чем на 0,5 м. во избежание засасывания жизненной энергии в пирамиду, что в 99,3% случаев вызывает летальный исход.

– Работать на неисправном оборудо...

– Сдавай оружие!

Жека поднимает бритую голову, потирает инструмент, несет мастеру. И хоть ты на тридцать три раза протирай, а все равно мастер заорет, а-аа, грязно, а-а-а, намусорил, хрюкни... Так и хочется ляпнуть, свинья везде грязь найдет. Только за такое ляпанье тебе потом по морде так ляпнут, мало не покажется.

– Жека, я стесняюсь спросить, ты когда инструмент протирать научишься? Ты клещи в дерьме извалял, что ли, или как?

Парни хохочут, Жека чувствует, что краснеет. Так и дал бы этому мастеру по лысине, да посильнее...

– А станок выключать на хрен надо? пра-авильно, пусть он сгорит к хренам собачьим, у нас же этих станков, как грязи!

Жека стискивает зубы. Он уже не помнит, выключил он станок, или нет, и вообще, разве есть в мире еще какой-то там станок. Жека перебирает ногами, ноги не слушаются, хочется лечь прямо тут, на полу, заснуть, проспять эдак лет тысячу, может, тогда Жека выспится...

– А подметать кто будет? Мети метелку, кому сказал... куд-да ты стружку под станок заметаешь, я тебе ее щ-щас за шиворот замету!

Жека сжимает зубы. Считает, сколько осталось до конца смены. А что тут считать, сейчас поступит запрос из пирамиды, подавай пирамиде бежевый кадиллак со вкусом клубники... и опять начнется, давай-давай, живей-живей, ты как руль выкручиваешь, я тебе щ-щас башку выкручу...

– Ра-аз дваа-а взяли!

Жека раз-два берет тележку с прикованными к ней велосипедами. Сегодня Жека весь день делал велосипеды, уже смотреть на них не может, так и слышится в ушах проклятое дзынь-дзынь...

Жека ждет своей очереди. Очередь тянется бесконечно медленно, какая-то там хрень сегодня с пирамидами, что они принимают товар медленно. Очень медленно. В час по чайной ложке. Задолбали, с-суки. Чш, чш, пирамиду, говорят, ругать нельзя. Покарает. Вон, Лешка из седьмого цеха в Новый Год наклюкался, орал на весь цех, что пирамиду эту на хрен снесет, заберет из нее все, что мы туда складываем. И где теперь Лешка? Говорите, с крана свалился? Да вроде

как не сам он свалился, вроде как помогла ему пирамида, чтобы другим неповадно было. Чтобы мозги лешкины от пола поотскребали, подумали...

– Жека, ты там заснул, что ли?

Жека подкатывает тележку к пирамиде. И правда, заснул, заснешь тут, по двадцать часов в сутки пахать. Выгружает велосипеды, один за другим заталкивает в ненасытную пирамидову глотку...

БРАК

Во, блин...

Толкает следующий...

ПРИНЯТО.

Жека переводит дух...

Половина велосипедов бракованные, и чего этой пирамиде не понравилось, чего не понравилось... ах, цвет не тот. Да задолбали с цветом со своим, тут сваргань две тыщи великов в день, вообще забудешь, какого они цвета...

Охренеть, не встать...

– Чего смотришь, перекрашивай! – гаркает мастер.

Жека перекрашивает. Не своей краской, чужую стырил, завтра еще от хозяина краски попадет. Ладно, плевать, у Жеки тоже много чего тырят, и ничего.

Когда Жека приползает в столовку, там уже никого и ничего нет. Голодный таракан юркает по столу, подбирает крошки. Здоровые мужланы в углу доедают кашу, чует Жека, там и его порция тоже. Смотрит на мужланов. Лучше

не связываться.

К вечеру метель приударила сильнее, сбивает с ног. И похолодало вроде как, хотя кажется, дальше холодать уже некуда. Интересно, что такое вечер, почему так говорят, утро, день, вечер, ночь. Мастер бы ответил – по кочану да по капусте. Жека думает, что раньше, давно-давно были какие-то день, вечер и утро, а потом вымерли, осталась одна ночь.

Жека идет вдоль прилавков, опять все ценники перепутали, хрен пойми, что сколько стоит. Тетка за прилавком зарылась в журнал, буркает что-то, что выберете, скажете, чего надо...

Да выберем, не сомневайтесь. И скажем. Было бы из чего выбирать, когда в кармане последняя десятка...

Жека смотрит на беляши, потом смотрит на Дольче Виту. Это журнал. Мужики его не любят, потому что глянцевый, и самокруток из него не наделаешь. А Жека любит.

Выгребают монеты.

Была не была.

– Дольче Виту.

– Чего-о?

– Дольче Виту. Журнал мечты.

– А-а, помечтать захотелось...

Жека и тетка многозначительно переглядываются. Она сама зарылась в Дольче Виту. Листает глянцевые страницы.

Метель бьется головой в стены, рвет с неба звезды. Жека

вытягивается на койке, листает. Читает.

ТОП-ДЕСЯТЬ МАШИН ЗНАМЕНИТОСТЕЙ

На десятом месте сын магната Конфедерации Ван Клик Энтер, который на прошлой неделе заказал уникальную модель Эквилибриум Эскалибур цвета ночного неба, украшенный звездами. Каждая звезда сделана из россыпи бриллиантов по индивидуальному заказу Ван Клик Энтера. В салоне есть климат-контроль, панорамная крыша, мини-бар, кресла с массажным эффектом. Автомобиль может передвигаться как на колесах, так и на воздушной подушке.

Жека листает.

Ну и кто же на первом месте? На этот раз нашу десятку возглавляет супруга магната Конфедерации, Джабриэлла Рододендрон. Совсем недавно она заказала себе матиз, снаружи сплошь покрытый розовым мехом и украшенный сердечками из рубинов. Однако, самую главную фишку машины поклонники Джабриэллы могли увидеть только с наступлением короткой ночи: оказывается, матиз... светится в темноте розовым сиянием! О том, сколько энергии было потрачено на изготовление матиза, первая леди многозначительно умалчивает.

Жека шелкает себя на плохонький телефон.

Еще.

Еще.

Нажимает принт.

Фотки получились так себе, ладно, какая рожа, такие и фотки. Вырезает ножницами, стыренными в цехе. Ляпает себя, любимого, поверх рожи Ван Клика. Поверх Пресс Эни Кея. Поверх Эльф Найта. Хочет ляпнуть поверх Джабриэллы, спохватывается, еще не хватало, он в бабьем платье тут стоять будет.

У Жеки много таких Дольче-вит. Вот это Жека на своей яхте. Вот это Жека машину купил. Вот это поместье жекино. Вот это Жека в Альпах. А это в Бразилии. А это Жека разорился на космический лайнер, видите, это он в прошлом месяце на Луну летал, про него даже в журнале написали.

Жека листает журнал, натывается на какую-то статейку про Ван Клик Энтера, из жизни знаменитых хикки. Ван Клик Энтер впал в депрессию... Жека тихонько вырывает страницы, щелкает зажигалкой. Заворожено смотрит, как пламя пожирает Ван Клик Энтера. Не будет никакого Ван Клик Энтера. Сгорит Ван Клик Энтер. Гнать его. А на его место Жека придет. У Жеки никакой депрессии не будет, можете не сомневаться...

Жека читает какой-то фантастический рассказ, как какой-то фрезеровщик выиграл билет, по которому можно попасть в город. И стал жить в Городе. Написали, что он на поезде в город уехал. Чушь собачья, нет таких поездов... Да

сейчас уже никаких поездов нет, электричество экономят...

Жека тоже писал фантастический рассказ. Как кто-то однажды свалился по ту сторону пирамиды, только не погиб, а упал туда, куда пирамида все вещи заглатывает. И было у этого у Кого-То всегда жрачки до хрена, и дом свой, и велосипед, и много чего еще. Только жекин рассказ в журнал не взяли.

Глаза у Жеки слипаются, журнал падает на пол. Жека еще успевает подумать, кто все эти истории каждый месяц сочиняет. Про Ван Клик Энтера и Джабриэллу. Про город, в котором все есть, и вечное лето. Про машины и яхты.

А то ведь нелегко придумывать про то, чего нет...

Летят искры.

Летят люди.

Летит все.

Жека собирает велосипеды, быстро-быстро-быстро, раз колесо, два колесо, прикрутить, привинтить, гаечный ключ пляшет, рвется из рук. Следующий. Следующий. Следующий. А конвейер вертится, вертится все быстрее, падают, падают колеса, больше, больше, больше.

– Жека-а-а! – орет мастер.

Жека торопится. Скорее, скорее. Велосипед в его руках плавится от скорости, Жека бросает его в брак, хватает следующий, тот тоже плавится...

– Чего брак-то гони-ишь?

Так и хочется ответить, а мне так хочется. Да тут не очень-то поотвечаешь.

Несется лента конвейера, быстрее, быстрее, быстрее. Валятся и валятся колеса. Жека привинчивает, быстрее, быстрее, быстрее, да что ты будешь делать, только что привинтил колесо, и вот лежит у его ног велосипед в разобранном виде.

– Жека-аа-а-а!

Жека спохватывается, вот ведь черт, так торопился, что начал работать быстрее скорости света, а быстрее скорости света время идет в обратном направлении. Теорию относительности, блин, знать надо...

– Жека-а-а!

Счас, счас. Жека спешит. На этот раз заспешил еще больше, время пошло вспять, во уже у Жеки лежит вместо велосипеда неотесанная болванка...

– Жека-а-а!

Счас, счас... да куда вы так конвейер гоните, куда гоните, вон уже и на конвейере у вас время вспять пошло, вон уже вместо велосипедов железные болванки, резинки, уже какой-то мамонт первобытный по конвейеру топает, объедает первобытный папоротник...

– Жека-а-а!

Жека подскакивает на постели. Во, блин...

– Чего?

– Ты на работу, соколик, идти собираешься или на хрен надо?

– Так я же... уже на работе...

Жека оглядывается. Во, блин, уже не знает, где сон, где явь. Выбирается из постели, наспех одевается, скорей-скорей-скорей, на работу...

Черт...

Смотрит в насмешливые глаза мастера, это совсем дело дрянь, что мастеру на глаза попало, что Жека проспал. Несется в цех...

Несется в цех...

Несется...

А где цех, а нету цеха.

Сгорел.

Вот так.

Ни с того ни с сего.

Мужики столпились вокруг пепелища, горланят, с ноги на ногу переминаются, не знают, что делать. Первый раз такое, чтобы цех сгорел. Кто-то говорит – теракт, кто-то говорит – срок пришел, кто-то вообще орет про кару Пирамид, мол, колитесь, кто чего плохого про пирамиду сказал, вот теперь получайте за это.

– А-а, явился... – говорит кто-то про Жеку.

Жека разводит руками, ну явился, ну что, а куда торопиться-то, если один хрен цех сгорел, работать не будем... то есть, как работать не будем, а жрать тогда что? За простой черта с два кто заплатит...

– Евгений... Вы вчера последний из цеха выходили?

Это прораб спрашивает. А Евгений, он же Жека, вообще не помнит, выходил он вчера их цеха, или нет, и он это был, или не он, и вообще, было ли какое-то там вчера...

– Да он, стопудово, он вчера велики эти перекрашивал.

– Жека, я стесняюсь спросить, ты не мою краску стырил?

– Да полно, Тоха, один хрен сгорело все, так какая разница...

– Он, точно он... Евгений, можно нескромный вопрос...

У Жеки холодеет спина. Если говорят про нескромный вопрос, значит, рыльце в пушку. Или чужой кусок урвал, или чужую работу запарол, или...

– Евгений, а ты ток выключал?

Жека не помнит. Жека уже спал, когда из цеха уходил, Жека к тому времени сам выключился.

– Во, блин...

Кто-то бросается на Жеку, кого-то хватают, кому-то скручивают руки за спиной. Жеке тоже скручивают руки за спиной. Щелкают наручники.

Метель бьется головой в стену. Прошлой ночью сорвало с неба все звезды, вон они лежат, рассыпанные по снегу, искрятся. И башню какую-то ржавую обрушило у десятого цеха.

Жека еще не понимает, что случилось. Некогда понимать. Одна мысль – привели в камеру, это теперь можно лечь по-

спать. И вот, блин, сколько мечтал лечь да выспаться, а теперь лежишь, и не спишься. Думается.

И злоба такая на душе. На себя. На мастера, вот где идиотище. На цех, который сгорел не вовремя. На ночь, которая сожрала утро, день и вечер. На зиму, которая сожрала весну, лето и осень. На пирамиды. Хотя на пирамиды гневаться нельзя. Хотя Жеке уже по фигу, что нельзя, что лъзя, ему уже терять нечего, он сейчас про пирамиды такого наговорит, они до конца своих дней красные стоять будут...

А больше всего Жека зол на Ван Клика Энтера. Сам не знает, почему. Да как почему, потому что. По кочану, да по капусте. Навыдумывали про этого Ван Клика, сегодня он на Тибете, завтра он в Париже, послезавтра вообще с батискафом в Тихий океан прыгает. А океан у него теплый, со всякими рыбами, гадами морскими, не то что наши океаны, промерзшие до самого дна... Мужики как-то штуку привозили, глыбищу льда, а внутри акула замерзшая.

Ладно, не о том речь... ненавидит Жека Ван Клика. Ненавидит. Так бы и придушил его к чертям собачьим, и сам бы на его место встал. Да как на его место встанешь, в журнал-то не залезешь, в выдумку...

– Щеглов Евгений, с вещами на выход.

Вот, блин, только дремать начал...

– Ленусик, давай, колись, ты вчера в цехе допоздна была? – спрашивает мастер.

Ленусик садится мастеру на колени. Хихикает. Так, говорят, русалки хихикают. Интересно, что такое.

– Да я там штучку одну в компьютере нашла, там кофточ-ки такие...

Мастер расстегивает на Ленусике брючки.

– Ты, красавица, ток не вырубила?

– А там какую ручечку повернуть надо, я все время забываю...

Ну-ну...

Мастер расстегивает брюки на себе.

– Ты, красавица, когда отчет-то подготовишь, бухгалтер-ша ты моя?

Ленусик хихикает, делает милую гримаску.

– А мне теперь ничего не будет?

– А ты думала, цех подпалила, тебе за это памятник по-ставят? Да не бойсь, – мастер кидает Ленусика на продавлен-ный диван, – да не бойсь, ничего не будет... крайнего назна-чили уже...

– Это кого?

– Жеку Щеглова.

– Это такой хорошенький, худенький?

– Чш, ты мне про хорошенького-то не очень, а то сама за ним отправишься...

– Ну му-у-усик, ну ты мог кого-нибудь поуродливее нака-за-а-ать?

Жека выходит в ночь, холод кусает за щеки, впивается невидимыми когтями в лицо. Интересно, что за цех спаленный будет, суд или сразу тюрьма. Главное, журналы, журналы в закуточке своем оставил, мужики найдут, то-то ржать будут... ладно, к тому времени, когда Жека освободится, они уже забудут все. Может быть. А то так девка одна все фотки этого Ван Клика собирала, другие девки нашли, задразнили ее, она в гальванику пошла, из ванны с цианом водички растворчику выпила.

Дура.

– А куда идем? – спрашивает Жека у конвоира.

– На Кудыкину гору воровать помидоры.

– Не-е, я серьезно.

– И я серьезно.

– Ну, не хочешь, не говори.

– Не хочу, и не говорю.

Метель пляшет свою мертвую пляску. Жека пытается прикинуть, куда ведут. Вроде бы тюрем никаких в той стороне нету, да там вообще ничего нету, цеха заброшенные...

– У меня там журналы остались в закутке... как бы не нашел никто, – говорит Жека.

– Сжечь, что ли хочешь? – спрашивает конвоир.

– Ну...

– Где жил?

– В сто пятнадцатом.

– Без проблем, сожгу.

– Спасибо.

– Да не за что. Может, еще чего?

– В смысле?

– Ну, там, передать кому что...

– Да не-а.

Конвоир останавливается перед заброшенным цехом, сжимает Жекино плечо.

– Ну, прости, мил человек... ниче личного... я тоже своим местом дорожу...

Жека оборачивается, давится собственным голосом. Это новенькое что-то. Охренеть, не встать. Дуло пистолета прижимается к жекиному виску.

А дальше все как во сне. Да ты не поспи ночи две, для тебя все будет как во сне. Жека бьет конвоира, что есть силы, вместе с ним валится в снег, выбивает кольт из ослабевших пальцев. Хватает голову конвоира, что есть силы впечатывает в стену заброшенного цеха. Старается не смотреть на кровавые брызги, старается не думать, убил, не убил...

Подхватывает оброненный кольт. Бежит. В метель. В темноту ночи. В никуда. Бежит, подгоняемый метелью, скользит в снегу, сучий снег, кажется, и нет под ним ничего, только один нескончаемый снег. Какая-то шавка с брехом вырывается из темноты, Жека стреляет, блин, промазал, шавка убивается восвояси.

Жека спешит.

Бойтся не успеть за край земли.

Когда как следует выплещешься – первый раз за тыщу лет – к тебе возвращаются детские сны. На пепелище души. На руины сознания. Детские мысли. Какие-то мечты, в которых боишься признаться сам себе.

Здесь, на складе, тепло. Конечно, не как дома, но хоть метель не свищет. Здесь можно спать. И можно думать.

Жека уже и забыл, как это – думать. Дикость какая-то, что не надо винтить гаечки, гаить винтики, вжикать железкой по шлифовальному кругу, мести метелку и красить краску. И приходят мысли. Которые никто не звал.

Жека думает, что там, по ту сторону пирамид. Как маленький, представляет себе там планету, заваленную благами цивилизации, бери, не хочу. Даже секта какая-то есть, которая говорит, что будешь себя хорошо вести, хорошо работать, любить ближнего своего, не завидовать, вилку в левой руке держать, и попадешь после смерти в такой вот мир, по ту сторону пирамиды. Враль называется или Врай.

Жека тоже в детстве во что-то такое верил. Потом не до того стало. Пытался найти какие-то научные объяснения, что такое Пирамиды, – непостижимые божества, забирающие у людей все. Спрашивал, когда появились пирамиды. Перелопачивал учебники, которые говорили, что пирамиды были всегда.

А вот еще в детстве Жека верил. Что все эти дольче-виты, они там. По ту сторону пирамид. Должны же они где-

то быть. Все. Эти. Самые. Джабриэллы и Ван Клиг Энтеры. Пресс Эни Кеи и Эльф Найты.

Сейчас-то, конечно, понимает, что все это выдумки. А раньше даже потихоньку подходил к пирамидам, заглядывал, не мелькнет ли там какой-нибудь актер на серебристом порше... и мамка хватается за руку, тащит от пирамиды, отवेशивает оплеухи, да что за дебил такой, да ты мне всю жизнь испоганил, проклятье мое...

Один дурень так засмотрелся, свалился в пирамиду, она его и высосала дочиста, энергию всю. Страшно так, когда пирамида из человека жизнь пьет, на глазах человек высыхает, как мумия... Тоже, видно, хотелось дурню посмотреть, как там Ван Клиг на своем эскалибуре ездит...

Вот на хрена про Ван Клиг Энтера вспомнил, вот на хрена, вы скажите? Ненавидит же его Жека, ненавидит, так чего вспоминать. И все, и только что так сладко на душе было, спокойно так, и все, и уже только и думает Жека, кого бы придушить. А кого-кого, Ван Клига, без вариантов.

И как раньше, Жека представляет себе, как проникает в дольче-виту, неважно как, но проникает, а там этот Ван Клиг выходит из клуба, у него депрессия, у него то, у него се... Жека хватается Ван Клига за горло, впечатывает в стену, вон, как конвоира, и что-то мерзко хрустит под жекиными пальцами...

Что за черт...

Померещилось.

Нет. Снова кричат. Там. С севера, откуда ветер дует.

Жека осторожно подбирается к выходу. Куда поперся, куда поперся, еще приключений мало, вот щ-щас увидят люди Жеку, мало не покажется.

Метель мешает небо с землей.

Мерцает пирамида на горизонте. Нехорошо мерцает. Так мерцает, когда энергию высасывает. И кто-то бьется, кричит возле пирамиды.

Охренеть. Быть не может. Это кто такой умный догадался к пирамиде подойти, чтобы она его высосала...

Жека спешит, проваливается в снег, беззвучно ругается, на этот снег уже мата не хватает. Что за дебилище там у пирамиды, додумался, чучелко, залез. А может, нарочно. Бывает, вот так достанет жизнь по самое не могу, и кто-нибудь кинется в пирамиду...

Только ты, парень, определяйся, ты или жить хочешь, или не хочешь, а то сунулся в пирамиду и орет, будто режут его...

Жека подбирается к пирамиде, медленно, осторожно, как бы самому в эту пирамиду не засосаться. Слышь, парень, если я из-за тебя влипну, тебе не жить, ты меня понял? Жека оттаскивает от пирамиды что-то холодное, но еще живое, ты еще отбиваться будешь, падла, я тебя щас обратно запихну, на хрен... Падла не отбивается, пробует идти, не может, Жека хватает падлу, тащит к заброшенному складу, где нет метели.

– Чего парень... глаза-то есть, не видел, что ли, куда

прешь?

Парень растирает виски. Парень разрывает грудь, вытаскивает сердце. Почему-то не умирает.

Во, блин...

– Спасибо... большое спасибо.

– Да не за что... тебе чего, жить надоело?

– Да нет, нет... уже не надоело... уже передумал.

– Почаще бы передумывали. А то у нас девка одна в цехе циан выпила, дура...

Парень кивает. В изнеможении поднимает голову.

Жека смотрит в его лицо.

Во, блин...

Так не бывает. Ошибка. Просто похож. Хотя... может, актер. С кого-то же эти фотки для журнала делают. Про красивую жизнь. Во, повезло. Это и автограф можно на счастье...

– Тебя как зовут? – спрашивает Жека.

И думает, что ослышался. Когда слышит:

– Ван Клиг Энтер.

– Ван Клиг Энтер.

– Да хорош прикалываться-то.

– Я серьезно. Почему ты мне не веришь?

– Потому что. Его же не существует. Он же ненастоящий...

Ван Клиг оторопело смотрит на Жеку. Кто из нас сошел с ума, думает Клиг, он или я. Или мы оба вместе. Ван

Клик не знает, что говорить, когда тебе говорят, что ты ненастоящий. Ван Клик уже вообще не помнит, как говорить с людьми, вот что значит досиделся дома. И уже привычным жестом ищет кнопку **ОСТАВИТЬ СВОЙ КОММЕНТАРИЙ**

– Как до города добраться... не подскажете? – спрашивает он.

– Город, это че?

– Ну... город, город...

Ван Клик хочет объяснить, что такое город – и не может объяснить. Потому что город он и есть город, разве есть в мире вообще что-то кроме города?

Оказывается – есть.

Жека первый приходит в себя, тащит Ван Клика к выцветшей карте на стене в закуточке склада, под которой в хорошие времена прокуренные мужики забивали козла.

– Вот те карта мира...

– Ага, вижу...

– Ищи свой город.

Ван Клик смотрит. Не понимает, как можно искать город. Потому что город – он везде. Город – он от северного полюса до южного. А здесь, на карте, нет никакого города. Здесь, на карте, все по-другому. Снега. Ледники. Океан, промерзший до самого дна. Фабрики. Комбинаты. Склады. Полуразрушенные магистрали.

Знакомо Ван Клику только одно. Пирамиды. Пирамиды. Пирамиды. Вот они все, ровным слоем раскинулись по пла-

нете, Большая Московская, Малые Московские, Рублевская, Большая Питерская, Большая Минская, Большая Таллинская...

Снова прихватывает сердце, последнее, которое еще бьется, Ван Клики хватается за грудь.

– Чего ты?

– Сердце...

– Во, блин.... Тут аптечкой-то на складе и не пахнет. И даже не воняет.

Ван Клики не понимает половины слов, чувствует только одно, этот чумазый парень хочет ему помочь. Ван Клики беспомощно протягивает обесточенное сердце...

– Чего ты мне суешь?

– Разрядилось...

– Дай гляну... блин, самому зарядить не судьба было? Тут проводок подпаять, все дела...

– Не умею.

– У тебя руки, что ли, не тем концом вставлены? И башка туда же?

– Тем...

– Те-ем... а чего к пирамиде полез? Жить расхотелось?

– Да нет... я думал от нее топливо взять...

– Ну я и говорю, башка не тем концом вставлена. Где это видано, чтобы пирамида топливо давала? Она из тебя, брат, все вчистую высосет... На вот штуку свою, зарядил я тебе...

– Спасибо.

– Не за что. Не во что. Чего сидишь, давай там в ящиках пошукаем, может, где тушенка какая завалилась... Если крысы не слопали. А то у нас такие крысищи пошли, скоро банки железные с голодухи прогрызть начнут...

Ван Клик покорно идет за Жекой, Ван Клик первый раз видит такое, чтобы сломанную вещь можно было воскресить. Вот так. Голыми руками. Ну, не голыми, ну, какой-то палочкой с дымком. Похоже, волшебные палочки бывают не только в фильмах про Хогвартс...

– Жека, а когда утро будет?

– Да уже утро, ты глянь на часы, пик-пик девять... наши щас на работу поперли...

– Да нет, настоящее утро – когда?

– Ясен пень, никогда.

– Нет, я серьезно, все ночь и ночь...

– И я серьезно. Где это видано, чтобы утро было...

Жека спохватывается:

– А утро, это как?

– Это когда солнце поднимается... – осторожно отвечает Ван Клик.

Что Жека сумасшедший, это ясно. Должно быть, под действием какой-то дури, очень сильной, нормальный такую чушь пороть не будет. Но тогда и весь этот мир под действием какой-то дури. И земля, и небо...

Жека припоминает. Солнце... это на картинках, желтое такое, как лампочка. Обчитался парняга красивых журналь-

чиков, уже с ума сходит. У Жеки в цехе работал такой убогий, грузовой лифт поднимал. Каким-то там мессией себя считал, или черт пойми...

– Чш!

Жека что-то слышит. Вожденная тушенка падает из рук, уже не до тушенки, уде ни до кого и ни до чего.

– Ложись!

– Что?

– Ложись, говорю, че, жить надоело?

Ван Клик ничего не понимает. Но это он запомнил, когда Жека говорит – жить надоело, значит, случилось что-то нехорошее. Ван Клик падает на холодный пол, сливается с землей. Замирает. Это в какой-то игре было, там надо было своего виртуального персонажа...

Ладно, не о том речь.

Ван Клик видит, что так напугало Жеку. Люди. Много людей. Там, снаружи. Идут по снегу, едут по снегу на некрасивых машинах. Куда-то торопятся, что-то кричат, давай, давай, живей, живей. Как будто ищут кого-то.

Ванн Клик видит их через окошечко склада. Давненько он не видел столько людей, да Ван Клик вообще давненько не видел людей. Отвык от людей. Боялся людей. Должно быть, у Жеки тоже социофобия, раз он так от людей шарается. Может, Ван Клик с ним даже на каком-нибудь форуме хикки переписывался, интересно, у него ник не Чипман случайно?

Люди продолжают суетиться, но теперь далече, – только на горизонте мелькают огни. Жека осторожно пробирается вглубь склада, тащит за собой Клика, тащит тушенку, хоть пожрать первый раз в жизни...

Чего они всполошились вообще? Как это, сколько их, куда их гонят, что так жалобно поют... ни фига себе отправили армию на поиски Жеки, ну да, шуточка ли дело, цех спалил...

– Чего смотришь, лопай давай...

Ван Клик не понимает. Но Жека ест, и Ван Клик тоже ест, не чувствует вкуса, ничего не чувствует, за годы жизни в городе Ван Клик уже и забыл, что значит проголодаться...

– Ты вот чего... ты спать хочешь?

– Да... – Ван Клик прислушивается к себе, – как-то нет...

– И славно. Давай, я сосну чуток, а ты тут покараулишь.

– Что покараулю?

– Все покараулишь. Чтобы эти сюда не вломились... друзья сердечные... тараканы запечные...

– А-а...

– Бэ-э.. Ну все, спать я пошел...

Жека никуда не пошел, разлегся здесь же, на ящиках, закутался в убитые жизнью одеяла, из которого кое-как выколол пыль. Надо было спать, и не засыпалось, смотрел на карту мира, и Ван Клик тоже смотрел на карту мира, представлял себе свою карту мира, огромный город на благодатной земле, а Жека видел свою карту мира, редкие островки

жизни в вечных снегах.

Неизменными были только пирамиды.

Пирамиды...

Пирамиды...

Жека чувствует, что начинает что-то понимать, вот-вот, вот сейчас, ну же... ну же... хватает ускользающую мысль, проваливается в сон, мысль улетает, оставляет в руках только пучок перышек из хвоста...

А наутро Ван Клик умер.

То есть, Жека не сразу понял, что он умер. Жека еще выбрался из-под одеял, еще долго растирал пальцы, закончили-таки за ночь, еще долго прокашливался, блин, как ни проснется Жека, вечно простуженный, холод-то сучий... Еще прислушивался, не идут ли эти, которые те, которые эти, которые Жеку ищут. Нет, никого нет, унес их черт, и на том спасибо...

Жека спохватывается.

Вспоминает.

Блин, тут же этот еще... который этот... которого нет... которого не бывает... но который есть...

Который Ван Клик Энтер.

– Кликуша, хорош спать-то!

Клик не отвечает. Не шелохнется.

– Сторож долбанный, я стесняюсь просить, я тебя на хрена охранять поставил?

Жека старается говорить, как мастер. Чувствует себя важным, как мастер.

Клик не отвечает.

– Кликуша!

Жека трясет Ван Клика за плечо, вздрагивает. Прижимает пальцы к тощему кликову горлу, ищет пульс, которого нет.

Во, блин...

Мертвых Жека повидал немало, несчастных случаев в цехе было навалом. Только все этим смерти были какие-то жуткие, или кто сорвется с крана, приложится башкой об железяку, или сам козловой кран кого подцепит крюком, или кому резакон руку отхватит по самый локоть, один догадался над парами спирта цигарку засмолить, еле потом потушили...

А здесь простенько все так. Обыденно. Уснул и не проснулся.

Жека лихорадочно припоминает, что делают в таких случаях. В таких случаях все бегают и суетятся, только Жека понимает, это ни к чему, бегать и суетиться, от этого Ван Клик не воскреснет. Потом допрашивали всех и вся. Допрашивать Жеке было некого. Потом обводили труп мелом и фотографировали. Ни мела, ни телефона с собой у Жеки не было. Потом несли цветы и ели рис с изюмом, это называлось не то сватья, не то авдотья. Ни сватьи, ни авдотьи, ни цветов не было. Потом брали лопату...

А вот лопата на складе была. Рыть мерзлую землю было

трудно, так и хотелось выискать какой-нибудь пневматический молоток или что покруче. Только на грохот молотка сбегутся все и вся, а Жеке это не надо, чтобы сбегались...

Потом полагалось что-то говорить, и да будет тело предано земле... нет, не то... аминь... тоже не то... Потом еще над могилой ставили пирамиду из какой-нибудь подручной фигни. Какое-то древнее поверье – пирамида над могилой. Какая-то надежда, что умерший уходит в лучший мир, пот ту сторону пирамиды.

Жека вернулся к умершему, перекинул через плечо, понес к самодельной могиле. Мертвец сжал жекину руку...

Мертвец сжал жекину руку...

Мертвец...

Во, блин...

Ван Клик со звоном и грохотом рухнул на пол, кажется, опять расколотил себе какой-то датчик.

– Ты чего, а?

– Это ты чего... Я уж думал, ты помер...

– Я тоже так думал... – Ван Клик потер виски, – с «Успокоем» переборщил, еле проснулся...

– С чем?

Ван Клик изумлен. Кажется, и правда у этого Жеки не все дома, если не понимает про Успокой. Или нет, здесь никто не знает про Успокой...

Здесь...

– Ну... лекарство... чтобы уснуть...

– Ты еще и наркоша, что ли? – Жека взрывается, распускает перья, – чтобы я твою наркоту не видел больше! Тут, знаешь, наркоши долго не живут... у нас один дурь какую-то нюхал, донюхался... В измельчитель зашел. Вот так, просто. Уж не знаю, чего ему там померещилось.

– И что?

– А то. Изрезало его на хрен... другой дурь какую-то пил, зазевался, его краном козловым пришибло... так что ты это...

Жека не успевает договорить, что это. Его прерывают голоса, склад наполняется шумом, криками, лучами фонарей, скользящими по стенам.

– Блин, нашли... – шепчет Жека.

– Кого?

– Меня, кого...

– Так иди к ним.

– Охренел? Чтобы меня тут же и пристрелили?

– За что?

– Цех я поджег...

– Зачем?

– А мне так захотелось... дай, думаю, запалю... Да и не поджигал я его, ток вечером не вырубил... и на тебе...

– Меня тоже ищут.

– А тебя за что? – Жека настораживается, – убил кого?

– Да нет... То есть, все думают, что я... а это не я отца убил... это этот...

– Какой этот?

– Ну... который сквозь стену ушел.

– Ясно все с тобой... обкурился, и папашу хлопнул... нар-коша...

Ван Клик пытается что-то доказать, Жека его не слушает, давай, давай, скорей, мотаем отсюда, пока не пришибли нас к ядерной фене... Ван Клику обидно, что Жека ему не верит, сейчас хочется написать об этом в Живой Журнал, выпить две-три таблетки Позитива, потом... нет никакого журнала, нет Позитива, ничего нет, есть только жизнью убитый снегоход, который заводит Жека, садись давай, хочешь, чтобы нас тут с тобой прихлопнули, как мух...

Снегоход несется в ночь, снег летит во все стороны. Ванн Клик хочет спросить, когда наступит утро, ах да, никогда не наступит, здесь ночь съела утро, и день, и вечер...

Здесь...

В стекле снегохода отражаются огни. Там, сзади. Много огней. Красные, белые, желтые, синие. Имя им – легион. Жека еще пытается успокоить себя, что мало ли куда они так спешат, люди они вообще вечно спешат и вечно что-то не успевают. И чем дальше, тем больше видит, черт возьми, они же всей ордой за Жекой спешат, за Жекой...

Во, блин...

Нет, конечно, цех подпалить, это грех большой, за это самого человека подпалить надо, и на медленном огне поджарить. Только такого Жека не ожидал, чтобы облаву устрои-

ли по всей земле, по всей зиме. Ну сбежал и сбежал, и черт с ним, пропадет в снегах... Да какое там, всполошились, съехались как будто мо всех фабрик, со всех концов света...

Жека выжимает из снегохода последние силы.

Не отстают, с-суки...

И этот тоже хорош... Кликуша... Если бы не он, глядишь, сейчас бы и оторвался от огней Жека, а так лишний груз... и вообще Жека Клика этого убить хотел, а вон он, Ван Клик, сзади, только оглянись, только...

Стрелка топливного бака ползет к нулю.

Во, блин...

– Догонят, мать их... – шепчет Жека.

– Что?

Жека сжимает зубы, еще этого сзади не хватало...

– Догонят, говорю... эти...

– Бери левее.

– Чего?

– Влево бери!

– Какого хре...

Жека не успевает договорить, Ван Клик перехватывает руль, гонит машину влево, влево, влево, в снег, в темноту вечной ночи. Наподдать бы сейчас этому Кликуше, совсем охренел с наркотой своей, вон пшел, ты... снегоход клюет сугроб, мир летит кувыркком, Жека остервенело лупит по чему-то живому, обещал же я его убить...

Огни проносятся мимо.

– Вот видишь... они не за нами... не за тобой... – шепчет Ван Клик.

– А за кем?

Ванн Клик пожимает плечами. Если ты не знаешь, что в твоём мире делается, мне-то откуда знать...

Поутихла метель, над миром наклонилось небо, утыканное звездами, холодное, жгучее, недоброе.

– Холодно, блин, – Жека оглядывается, ищет хоть что-нибудь на горизонте, – эй, ты чего, а? Жить надоело?

Ван Клик зарывается в снег, где тепло, куда не заглядывает холодное небо. Подскакивает, подброшенный Жекиным окриком – жить надоело. Это значит, так нельзя.

– Айда вон... избушка какая-то стоит... на курьих ножках... об одном окошке...

Двое идут к избушке на курьих ножках об одном окошке. Как-то у Жеки получается держаться в снегу, не проваливаться, у Ван Клика так не получается. Ах да, у Ван Клика ботинки узконосые, уже снега в себя набрали не меряно, а Жека в своих сапогах...

– На хрена ты как на параде вырядился... тут, брат, тебе не молочные реки, лазурные берега...

Двое добираются до приземистого строения, прячутся от холода. Тусклая лампочка освещает что-то заброшенное, позабытое людьми. Много таких штуквин стоит по всей земле. А что, люди-то вымирают, бывает, на карте обозначено – комбинат по производству того-то, того-то имени Та-

кого-То Такого-То. А если окажешься в районе комбината, там руины одни. И ржа. А иногда и на скелет какой натолкнешься...

Тусклая лампочка освещает что-то массивное в середине зала. Жека не сразу видит, что там, еще подходит, еще смахивает столетнюю пыль. Отскакивает в страхе.

Пирамида.

Только какая-то неправильная пирамида. Которая не высасывает из человека все силы. Но и ничего не дает. Вообще ничего не делает. Но не мертвая пирамида, нет, датчики мерцают красноватыми огоньками.

Пирамида живет. Но как-то по-своему. По-странному.

Жека оглядывает темные залы, прищелкивает языком – тушенки не меряно, здесь можно продержаться всерьез и надолго. А там... а там видно будет.

Ванн Клику скучно. Ван Клику всегда скучно, но сегодня особенно. Потому что нет планшетника. И айфона тоже нет. И айпада. Надо бы у Жеки спросить, может, у него плеер есть, быть не может, чтобы не было плеера...

Ван Клик оглядывает запыленные столы, смахивает пыль, разглядывает картинки под стеклом. Женщины в одних перчаточках до локтей. Собаки. Кошки. Машины, вышедшие из моды лет двести назад.

Ван Клик листает сшитые страницы. Ван Клик знает, это называется книга. Не электронная, а такая... такая... страницы осыпаются под пальцами.

Переведите тумблер 1 в положение ОТКЛ.

Ручкой ПЛАВНО выведите калибровку на нуль...

Ван Клик не понимает. Ван Клику скучно. Так бывает, когда сидишь в Инете, и ничего нет, совсем ничего, смотреть не на что...

Ван Клик смахивает пыль с карты мира на стене.

Ван Клик смахивает пыль с карты мира...

Ван Клик...

Карта мира...

А на ней Земля.

Нет, не земля.

Нет, Земля. Только какая-то не такая Земля. Не круглая. Земля, изогнутая причудливой лентой. Ван Клик даже помнит название этой ленты, Мёб. Или Мёбиус. Лента, прошитая туннелями там, где стоят пирамиды. Маленькие порталы. И один, большой портал где-то в районе Рублевки. Там, где сейчас Ван Клик. Где большая пирамида, которая не отнимает и не дает.

До 2319 года включительно возможен переход благ только из нижнего мира в верхний. При дальнейшем искривлении пространства Мебиуса...

Пресс Эни Кей садится за руль, жмет на газ.

Садится за руль, жмет на газ.

Жмет на газ...

...проверяет топливный бак. Полный. Скорпио Беллатрикс не трогается с места, жалобно фырчит, давится мотором.

Черт.

Пресс остервенело бьет по рулю, ни раньше, ни позже. Как всегда, как ехать на встречу, так машина выходит из строя, из чего вообще эти машины там в Пирамиде делаются, что ломаются через месяц...

Пресс Эни Кей бежит к пирамиде, хлопает по клавишам. Третий раз за год новую машину заказывает...

ВЫБЕРИТЕ ТИП АВТО

ЛЕГКОВОЙ

ВЫБЕРИТЕ МАРКУ

ДЖИП ГРАНД ЧЕРОКИ

ВЫБЕРИТЕ ЦВЕТ КУЗОВА

КЛАССИЧЕСКИЙ ЧЕРНЫЙ

ВЫБЕРИТЕ ЦВЕТ САЛОНА

КЛАССИЧЕСКИЙ БЕЛЫЙ

Думает, добавляет инкрустацию бриллиантами. Все-таки высший свет...

ПОЖАЛУЙСТА, ПОДОЖДИТЕ...

Пресс Эни Кей пинает пирамиду в бессильной злобе, пошевеливайся, с-сука... Да-а, чем дальше, тем медленнее работают пирамиды, да вообще все медленно работать стало... Жаловаться на них надо... да кому жаловаться, можно подумать, на пирамиду можно кому-то жаловаться...

ПРИНОСИМ СВОИ ИЗВИНЕНИЯ, НА ДАННЫЙ МО-
МЕНТ ПРОИЗВОДСТВО АВТОМОБИЛЕЙ ОСТАНОВЛЕ-
НО...

Вау.

Это что-то новенькое.

Пресс Эни Кей бьет кулаками в пирамиду, в бессильной злобе. Бросается к соседней пирамиде там, на перекрестке...

– Куда их всех черт понес, – спрашивает Жека.

Ван Клик разводит руками. Если ты не знаешь, мне-то откуда знать, что в твоём мире делается.

А в мире делается. Люди собираются. Толпами, толпами. Взводами. Полками. Батальонами. Жека раньше никогда не видел столько оружия, похоже, все фабрики переделали, чтобы мастерить оружие. Винтовки. Автоматы. Пулеметы ручные. Кольты. Вальтеры. Еще что-то такое, чего Жека не знает, Жека оружие не делал никогда, как-то не довелось.

Едут танки. Небо гудит от самолетов. Трещат снегоходы. В чистом поле выстраиваются дивизии.

– А кто с кем воюет? – спрашивает Ван Клик.

– Да у нас, вроде бы, некому воевать... и не с кем... Чш, гляди...

На крышу приземистого склада забирается человек, как все, в оранжевом жилете. Кто-то подает ему микрофон, снизу вспыхивают прожектора...

Ван Клик смотрит на человека.

Узнает.

Жека тоже смотрит на человека.

Тоже узнает.

Человек говорит что-то. Отсюда плохо слышно, что именно. Про какое-то многовековое угнетение, про рабство, про нищету. Жека понимающе кивает, все правда, все про нас. Вообще пирамиды эти нас задавили, с-суки, им все, а нам шиш с маслом. Пару раз в речи проскальзывает незнакомое слово – Мебиус. Что за хрень... что-то из физики, что ли... Надо у Клика спросить, у него, вроде, мозги есть, жалко, не тем концом не в то место вставлены...

– Кликуша, а Мебиус, это чего... эй, ты где?

Кликуши уже нет, Кликуша осторожно выбирается из здания, осторожно подкрадывается к шеренгам солдат. Бесшумно вытаскивает кольт из кобуры у какого-то зазевавшегося юнца. Жека сжимает кулаки, ну же, ну же, осторожнее давай... есть, вытащил... ничего, парень, соображает, что оружишко нам пригодится, а то мало ли кто там с кем воюет... только на хрена ты один кольт выволлок, ты давай мне еще стырь, эгоист хренов...

Это что за хрень...

Клик неумело целится в оратора. Нет, стрелять, Клику, конечно, доводилось, только на экране, кого только не мочил, и троллей, и гоблинов, и киборгов, и... Только то на экране, а здесь...

– Тебе чего, жить надоело?

Это Жека. Когда Жека так говорит, значит, Клик делает что-то неправильно. Жека тащит Ван Клика назад, к дому с пирамидой, только бы не видел никто...

– Ты че, а? Чем тебе этот говорун мешал?

– Я его узнал, – кивает Ван Клик, – он отца моего убил.

Этот...

– Это не этот, а мастер наш. У меня на него тоже зуб есть, еще какой... только не дело это, тут стрелять... далеко сильно... да и вообще, нас потом самих так постреляют, мало не покажется...

– Господин директор, у нас проблемы...

Пресс Эни Кей глотает три таблетки Позитива. Вымученно улыбается. Вспоминает какие-то тренинги, повторяет себе, что все хорошо.

– Слушаю вас.

Секретарша тоже вымученно улыбается. Кажется, она плакала недавно. Неважно.

– Господин директор, по всему миру пирамиды отказываются работать.

– А что так? Забастовка у них, что ли? Возмущенные пирамиды стучали углами по мостовой?

– Н-не знаю...

– Ну так знайте. Что вы как маленькая, ей-богу... Собирайте комиссию, ученых там... физиков-шизиков... пусть решают, как пирамиды исправить. Ситуация штатная, такие

случаи уже были...

Пресс Эни Кей припоминает, когда были такие случаи.
Понимает – никогда.

– Чего... Ну чего тебе?

Жека кое-как продирает глаза. Смотрит на Клика.

– Вот что... конец света будет.

– Умнее ничего придумать не мог?

– Да нет... я там в брошюрках посмотрел... конец света.

– Иеговистов обчитался? Ну-ну...

– Да нет, ты не понимаешь... я там смотрел... короче...

наш мир...

Жека смотрит в огромные зрачки Ван Клика, прикидывает, чего он обкурился опять... ах да, ничего не обкурился, нечего ему уже курить, и глотать уже нечего, кончились все его таблеточки... Похоже, плохо парню без таблеточек-то... Жека даже вспомнил, как это называется. Ломка. Вот. Вспомнить бы еще, чем эту самую ломку снимают. В цехах эту самую ломку ничем не снимали, выводили наркошу за ворота, пускали пулю в затылок, чтобы другим неповадно было...

Жека выбирается из дома, поглядывает на цеха и склады в стороне, на роты солдат, может, у них аптечка есть, знать бы еще, что из этой аптечки на этот случай пригодится...

Это еще что...

Жека видит провал. Провал в темноте ночи, провал в самом пространстве. Глубокая воронка в воздухе, куда-то туда, по ту сторону.

По ту сторону...

Вот, блин...

Жека бежит обратно, к дому, выволакивает Ван Клика на улицу, тащит к порталу.

– Видал, а?

– Ага.

– Чего ага, домой давай иди! Вишь, вон город там твой...
дольче-вита твоя...

Жека тащит Ван Клика к порталу, там ему, глядишь, помогут, напоят какими надо таблеточками... Глядишь и Жеке что-нибудь перепадет, нет, не таблеточки, на хрена они, а там, скажем, Жека все-таки Ван Клика от верной смерти вытащил, и не раз, может, там за спасение жизни хотя бы квартирка в городе полагается, или там...

– Да бесполезно, бесполезно... – Ван Клик отбивается, пытается что-то втолковать Жеке, – конец света грядет, это все уже, все... конец... света...

– Да нехай грядет, чего ему еще делать-то... пошли, пошли...

Замирает. Вжимается в снег.

– Во, блин, ни раньше, ни позже...

Воронка раздвигается. Шире. Шире. Раскидывается от горизонта до горизонта. И идут, идут, идут через воронку ди-

визии. Полки. Батальоны. Танки. Солдаты. Самолеты. Мать моя женщина, ракеты откуда-то уже достали... да откуда откуда-то, сделали... не боги горшки обжигают.

Идут. Сотни. Тысячи. Миллионы. В город. В дольче-виту. Самые безумные мечты, сошедшие со страниц журналов...

– Дайте нам Дольче Виту! – скандируют люди, вышедшие на улицы.

Что такое Дольче Вита, до сих пор понять не удалось – должно быть, какое-то странное божество этого странного народа в оранжевых жилетах.

Люди наводнили улицы и площади, окружили Бизнес-Сити: полиция еле-еле сдерживает натиск толпы, уже слышны предупредительные выстрелы...

– Ну... это, самое... я сегодня утром... как всегда, встала часиков в двенадцать... пока ванну приняла, пока туда-сюда... потом это... в спа-салон сходила, маникюрчик сделала, там еще сейчас так такой появился, треск называется, там в два слоя наносишь, он трещинками такими расходуется... Потом в киношку с Альбой пошли, там еще триллер этот, Хата с краю... Потом это, самое... ну... из киношки вышли, а там эти... ну...

Элина, уроженка Сити-Люкс, от ужаса не находит слов.

Многие свидетели погромов оказались в больницах с тяжелейшими нервными срывами. Ситуация усугубляется тем, что производство препаратов для души остановлено, как и всякое другое производство.

– Уберите это! Уберите их! Не хочу, не хочу, не хочу, ай-й-й-й-й!

Вот такие возгласы слышны повсеместно по улицам города, люди бьются в истерике, глядя как неизвестные бьют витрины и вытаскивают из магазинов товары.

Но откуда все-таки взялись странные люди в оранжевых жилетах? Нам удалось поговорить с несколькими из них, на удивление, они очень хорошо говорят на интэрнешнл...

– Скажите пожалуйста, откуда вы пришли сюда?

– Откуда, блин, от верблюда! Да задолбали, жрать нечего, холод сучий, сами тут сушки эти едят, или суши, как их там правильно...

– То есть, там, откуда вы пришли, перебои с продовольствием?

– Какие, на хрен, перебои, жрать нечего, да и все! Пашешь, как черт, а тебе за это хрен да маленько (непереводимая игра слов)

– Пашем, как черти, а нам за это хрен да маленько! – орет мастер. Впрочем, может уже и не орать: со звоном разлета-

ются стекла витрин, грохочет музыка, люди на улицах скандируют доль-че-ви-та...

А все-таки мастер молодец. Еще какой молодец. Мало таких молодцов в истории нашей было, ой, мало. Таких молодцов на кострах сжигали, таких молодцов бросали в тюрьмы. Объявляли в розыск. Книги таких молодцов изымали партиями. Жгли. Откровения таких молодцов передавали из уст в уста. Под бо-о-о-ольшим секретом.

Какие откровения? Да вот такие. Которые Мастер раскопал на складах, когда искал инструкцию чего-то там к чему-то там.

Какие откровения? Да вот такие. Что наша земля... что Земля-то наша... что Земля-то...

Ну да. Два полушария. Нет, не западное и восточное. И не северное и южное. А верхнее и нижнее. Полушарие вип и полушарие пром. Промышленное, то есть.

И Земля наша...

Ну да.

Поднимите руки, у кого дома глобус есть? Круглый такой? Мо-лод-цы. А теперь можете его в помойку вышвырнуть. Или детям отдать, пусть играют. Потому что Земля наша и близко не круглая.

А? Что? И не квадратная, нет. Ленту Мебиуса когда-нибудь видели? То-то же.

Вот вам откровение. Получите, распишитесь.

Это потом уже Мастер стал делать порталы. Не такие,

которые в пирамидах, а другие. Которые мастер сам делал. Порталы между двумя полушариями. Чтобы из нищеты в долще-виту просочиться. Из грязи да в князи. А что? Не боги горшки обжигают, зря, что ли, учился, зря, что ли, в мастера выбился...

То-то же.

Нет, поначалу, конечно, по мелочам. Там в долще-виту эту просунулся, тут на витрины посмотрел, там из магазина чего покушать урвал... Это потом уже сообразил, что к чему...

– Топай, топай отсюда, пока тебе по харе не надавали!

Это тетка в магазине. Дрянная такая тетка, беляша для мастера ей жалко. Мастер же не какой-нибудь ворюга, который цапки золотые ворует или эм-смотри-плееры... А то из-за беляша из-за какого-то давай мастера сумочкой колотить, овца пуховая...

Ну, тут и самый смирный взбесится. Мастер вышел, сделал вид, что вышел, сварганил портал позади тетки, и ножичек ей между лопаток всадил, аккуратненько так. Свалилась, даже не пикнула.

Это потом уже было. Магнаты. Олигархи. Владельцы Бизнес-Сити, которых мастер убивал. Вот так, выходил из портала и убивал. За все. За мамку, которая с голоду померла. За работяг, у которых от кислоты легкие на хрен прогнили. За топай-топай-отсюда. За все, за все...

А потом было оружие. А потом были речи на заснеженных

площадях и в холодных полутемных цехах. А потом были армии, марширующие к порталам. А потом были витрины, звенящие под градом камней...

– ...наконец-то удалось установить, откуда вышли люди в оранжевых жилетах! Как известно, Земля имеет не форму шара, а ленты Мебиуса, и...

– Скажите, какую форму имеет земля?

– Ой, ну... нет, не знаю.

– Скажите, какой формы наша планета?

– Ой... ну, это самое... вроде как плоская...

– Скажите, какую форму имеет земля?

– Спортивную!

– Скажите, какой формы наша планета?

– А это что такое?

– А вы знаете, что Земля имеет форму ленты Мебиуса?

– А я в школе не училась, а на домашнем только музыкой занималась...

– Как вы думаете, откуда из пирамид берутся товары?

– М-м-м... я об этом не думаю... вы у моего бойфренда

спросите...

– Откуда из пирамид берутся товары?

– Откуда-откуда, из пирамид! Нажимаешь кнопку, они берутся!

– Откуда вы получаете товары?

– Из пирамиды.

– А в пирамиде они откуда?

– Ну... кладут их туда.

– Кто кладет?

– Ну... кто-то.

Кто кладет товары в Пирамиды?

Дед Пихто – 34%

Конь В Пальто – 36%

Да пошли вы все на хрен, вы скажите, когда эти пришлые уберутся – 30%

(По результатам всемирного опроса)

– Откуда в пирамиде берутся товары?

– Ну... колдовство какое-то.

Вот такие ответы мы получили от наших сограждан. Действительно, до поры до времени никто не представлял себе, что происходит по ту сторону пирамиды, и уж тем более – что обитатели той стороны в один прекрасный момент...

2134 г. 15 июня – исчезновение лайнера типа «Боинг» на пути из Лондона в Париж.

2134 г. 18 июня – появление пропавшего лайнера в аэропорту Сиднея

2135 г – массовое исчезновение кораблей и самолетов в районе Бермудов.

2137 г – открытие порталов и Территории Мебиуса на той стороне земли.

Пресс Эни Кей читает. Перечитывает. Глощает Позитив. Еще. Еще. Еще. Хорошо подсуетился Пресс Эни Кей, припас Позитива всерьез и надолго. Пресс Эни Кей уже чувствует, что поставки Позитива возобновятся не скоро.

А Позитив нужен. Потому что уже зла не хватает. Зла на отца. Удружил папаша, оставил в наследство не одну сторону Земли, а две, и что с этими двумя сторонами делать, черт пойми.

И на другую сторону земли у Пресс Эни Кея тоже зла не хватает, чего им там не сиделось, чего повылезли ни раньше, ни позже, как будто учуяли, что теперь Пресс Эни Кей правит миром...

И на себя самого зол Пресс Эни Кей. Сколько готовил себя к должности Властелина Мира, что только не изучал, менеджментинг, маркетинг, прессинг, дауншифтинг, клининг, аутсортинг, инжиниринг, а в географию заглянуть не догадался.

И глобусы теперь по всей стране повыбрасывать надо, потому что неправильные.

Пресс Эни Кей закрывает окно, чтобы не слышать гремящее на улице – доль-че-ви-та...

Божество у них там какое-то... дольче вита... на той стороне земли...

С грохотом распахивается дверь.

– Не принимаю, – рывкает Пресс Эни Кей.

Оборачивается.

Давится словами.

На пороге стоит Мастер, целится в магната.

2189 г. – начало переселения элиты на Новую Землю на той стороне земли Мебиуса

2197 г. – закрытие порталов во избежание нелегальной миграции.

2198 г. —У. К. Маффин открывает возможность перекачивания энергии между мирами.

2200—2210 г.г. – установление на Новой Земле вечного лета, медленное похолодание климата Старой Земли...

Ван Клик и Жека читают. Перечитывают. Историю раньше не учил ни тот, ни другой, поэтому подолгу вчитываются в каждую фразу.

– А теперь смотри, – Ван Клик показывает в самый конец маленькой брошюры «Экзаменационные вопросы по исто-

рии для поступления на исторический факультет».

Жека листает полуистлевшие страницы. Вздрагивает.

– Охренеть... так что ж ты раньше молчал, что всем хана скоро!

– Так я тебе об этом уже третий час говорю!

– Да ты мне про конец света талдычишь, а не про это... о-ох, горюшко мое... и сколько нам теперь всем жить осталось?

Пресс Эни Кей и Мастер смотрят друг на друга. Нужно что-то сказать, что-то делать, но никто не решается заговорить первым. Наконец, Пресс Эни Кей осторожно опускает колыт. Легким кивком показывает, что ждет от противника того же самого.

Мастер бросает винтовку. Даже приподнимает руки, так, на всякий случай.

– День добрый, – говорит Пресс, – чем могу быть полезен?

– Да это... самое...

Мастер теряет слова, они рассыпаются по паркету с легким шорохом. Вот блин, сколько раз готовил речи, сколько раз отшлифовывал фразы, все из головы вылетело...

– Это... вы нас вообще извели...

– Вот как? – Пресс Эни Кей приподнимает бровь, – не думал, не думал...

– Ага... жрать нечего... холод сучий, задолбали уже...

– Ну что же, давайте обсудим все поэтапно... пойдете,

выпьем за встречу, поговорим... – Пресс откупоривает бутылку чего-то дорогого, экзотического, на что Мастер в иные времена и смотреть боялся, не то что в руках держать. И вообще тут не то что за столом сидеть, дышать страшно, чтобы кабинет не запачкать...

– Это у вас чего, трюфели? – спрашивает мастер.

– Гусиный паштет, очень рекомендую... Так вы жалуетесь на плохие условия?

– Да хуже некуда. Холод сучий, жрачки хрен да маленько, мои в цехе уже говорят, пока кормить нормально не будешь, хрен чего делать будем...

– Да, проблема оптимизации расходов стоит очень актуально. Что же, в ближайшее время рассмотрим ряд законопроектов...

Пресс и Мастер чокаются. Пьют за встречу. За нас с вами, и за черт с ними, и за все такое.

– Например, такой вариант... мы передаем в ваше пользование часть производимой продукции...

Мастер скалит зубы. Он-то думал, тут войнушка не на жизнь а на смерть будет, а тут вон люди умнющие, сразу все по полочкам мужик разложил...

– ...кроме того, предлагаю снизить поставки тепла нашему миру, тем самым...

...около девяноста процентов населения остались на территории Старого Света с целью обслуживания Высшего Све-

та на другой стороне планеты...

– С-суки, – шепчет Жека.

– Кто?

– Вы, кто... себе все забрали, сволочи...

– Ты выражения-то подбирай, а?

– Какие, на хрен, выражения, жулье проклятое, и папаша твой туда же, кровушку нашу пил!

– А тебе кто мешал кровушку пить? – Клик вспоминает что-то, прочитанное в каком-то учебнике, – если человек оказался в самом низу, ему следует винить в этом только себя.

– Не так воспитаны, кровушку чужую пить!

– Ага, ври больше, не так воспитаны, сам, поди, мясо челове...

Мир летит кувырком, Жека швыряет Ван Клика оземь, обещал же он, обещал же Ван Клика этого убить... Жека слов на ветер не бросает... Кружится бешеная метель, кружатся снежинки, кружатся два человека в бешеной кровавой пляске...

Пресс Эни Кей любезно улыбается. Комната пляшет перед глазами Мастера, валится куда-то набок, набок, отравил, отравил-таки, с-сука...

– Что-то не так? – спрашивает Пресс Эни Кей. Все еще улыбается, на этот раз самодовольно, победно...

Мастер еще пытается добраться до винтовки, уже не мо-

жет, бьется в конвульсиях, роняет на паркет кровавую пену, блин, как Пресс не любит все это, он еще язык себе откусил, тьфу...

Пресс отступает, хочет позвать обслугу, чтобы убрали – падает на паркет с простреленной головой, мельком успеваешь заметить в дверях оранжевые жилеты, ай, с-сука, привел-таки за собой...

– Стой, стой, жить надоело? – кричит Ван Кликс.

Ван Кликс уже знает, если кто-то какую-то глупость делает, надо кричать – жить надоело.

– Это тебе жить надоело, ты мне еще...

– Что еще, мир гибнет! Время кончается! Время!

Жека приходит в себя, будто пелена падает с глаз. И правда, чего это он... пирамида за спиной Жеки отсчитывает время до конца света, а он...

Жека еще раз перечитывает брошюрку, где Ван Кликс прочитал про конец света.

2210 г. – наст. время – перекачивание энергии из нижнего мира в верхний.

2315 г (прогноз) – люди остановят центральную пирамиду, чтобы не вызвать дисбаланс между мирами. Начнется обратный переход энергии.

2319 г (прогноз) – (в случае неостановки пирамиды) – коллапс обоих миров.

Жека бормочет какие-то неперебиваемые выражения, вертится вокруг пирамиды, ищет, где у нее кнопка, где у нее кнопка, мать ее, или нет никакой кнопки, или там какая потайная плита, чтобы отключить, или надо сплясать вокруг этой пирамиды, три раза перевернуться на левой ноге и сказать...

Жека беспомощно смотрит на древние письма. Мастера бы сюда, мастера, мастер всегда все знал, только тут и мастер ничего не узнает...

– ...пять минут назад мы наблюдали уникальное явление – над миром погасло солнце. Демонстранты и местные жители в шоке. Крики доль-че-ви-та больше не слышны. Вынуждены признать, что мы слишком мало знаем из области астрономии, чтобы делать какие-то выводы...

– Дай я.

– Чего-о?

– Дай я гляну, – говорит Ван Клик.

– Ты че, главный эксперт по пирамидам?

– Дай гляну. Чего я, зря, что ли, за компом всю жизнь просидел, клинопись эту разбирал компьютерную?

Ван Клик смотрит. Чувствует себя беспомощным, как бывает, когда сдохнет комп, высветится на нем не пойми что на синем экране, и думай, как воскресить...

Думай...

– Мы наблюдаем, как горизонт планеты медленно сворачивается в спираль. Нда-а, вынужден признаться, из географии мы тоже мало что знаем...

– Кликуш, видал, чего на горизонте делается?

– Вижу, вижу...

– И чего?

Клик пожимает плечами, а я что могу сделать... Думает. Кусает губы. До крови.

Точным движением нажимает две клавиши на Пирамиде.

Линия горизонта извивается бешеной спиралью, планета закручивается сама на себя...

– Кончай уже, сил нет...

– Да вон хоть бы до той рожицы дотянуть.

– Ага, сначала до той, потом до другой, и так на всю ночь... пошли уже, на ногах не держишься...

Жека отбирает у Ван Клика соху. Оборачиваются, смотрят на вспаханную землю, только что вспахали, засеяли. В борозды падают снежинки, набиваются белыми полосками.

Ван Клик и Жека уже знают, что ничего не взойдет.

Ничего.

Но надо пахать. Надо строить дома, которые продержатся

пять минут – и разлетятся в прах. Надо сажать цветы – в снег. Надо пахать мерзлую землю.

Расплата за все. За сто лет благоденствия. Сто лет Новая Земля высасывала тепло из Старой Земли. Теперь пришла пора Старой Земле забрать свое тепло обратно.

Люди помогают, как могут. Жгут на Новой Земле костры, пашут землю. Помогают Старой Земле взять как можно больше тепла. Чтобы скорее наступило равновесие между мирами.

Люди заходят в пирамиды. Выходят с той стороны, на Старую Землю. Здесь за последние годы стало чуток теплее. Снег подтаял. Даже травушка какая-то пробивается.

Не Дольче-Вита, конечно, но жить можно.

Необъятная тетка раскидывает по тарелкам картошку, расплескивает соус черт знает из чего. Ван Клиг и Жека едят, перемигиваются. Ван Клиг потихоньку вынимает дозу «Позитива», выискал сегодня на черном рынке. Жека грозит пальцем, бросает «Позитив» в снег.

Вылезают на небо звезды, не вспугнутые метелью.

А там, на другой стороне Мебиуса...

То есть, что я говорю...

Нет у Мебиуса другой стороны.

Только одна.

2013 г.

Ночью пришел снегопад

Я рисовал следами на снегу.

Рисовал следами – то цветочками кошачьих лапок, то крестиками вороньих пальчиков, то ровными стежками синичьих следочков, то точечками заячьих оттисков, то взмахами метели. Рисовал мир – большой, белый, прекрасный, каким я его видел, рисовал мир – чтобы запечатлеть его навеки. Вложил в картину – всю свою душу, всего себя, без остатка, даже украсил белое полотно снега красными бисеринками своей крови.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.